

[Polaris]

ЗАМОК АЛЬБЕРТА

ИЛИ

ДВИЖУЩИЙСЯ СКЕЛЕТ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLX

Salamandra P.V.V.

ЗАМОК АЛЬБЕРТА

или ДВИЖУЩИЙСЯ СКЕЛЕТ

Salamandra P.V.V.

Замок Альберта, или Движущийся скелет. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 97 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLX. Готика).

«Замок Альберта, или Движущийся скелет» — одно из самых популярных в свое время произведений английской готики, насыщенное мрачными замками, монастырями, роковыми страстями, убийствами и даже нотками черного юмора. Русский перевод «Замка Альберта» переиздается нами впервые за два с лишним века.

ЗАМОК АЛЬБЕРТА

или

ДВИЖУЩИЙСЯ СКЕЛЕТ

Буря свирепствовала, ветры свистели, и в расщелины оконных затворов Жакмаровой хижины струили снег, который проникал сквозь обветшалую крышу даже в самую средину. Дрожащие дети его теснились вокруг своего отца.

— Холодно, папенька, — говорил старший, — мы озябли, оберни нас в свою епанчу.

— Расскажи нам какую-нибудь сказочку, — лепетал младший, — покуда не придет маменька, и не даст нам покушать; что она так долго нейдет?

— Что же делать, — отвечал Жакмар, встревоженный также долгим отсутствием своей Дюнифледы, — она пошла промышлять кушанья, и ежели не будет иметь в том обыкновенного успеха, то должно сегодня вам лечь спать без ужина; но может быть, ожидание денег есть причиною ее медленности.

— Для чего же, папенька, вы нейдете ее искать? — сказал один из его сынов.

— Она пошла продавать сыр; но я не знаю, в которую сторону.

При сем услышали, что некто приходит и старается отворить дверь хижины.

— Ах! это маменька! это маменька! — вскричали обрадованные дети.

— Милые малютки, ежели б это была она, то теперь уже бы вошла, но я тотчас посмотрю, кто там.

Хижина Жакмара состояла из двух комнат, из коих одна служила вместе кухнею и спальнею, а другая, меньшая из них, была жилищем козы, составляющей все его имущество. Вход был в последнюю из сих комнат, почему и не могли они увидеть вошедшего человека; но, достигнув дверей, Жакмар зрит любезную свою Дюнифледу, и в каком же положении! — руки ее оцепенели от стужи, страха и слабости, так что не имела даже силы отворить дверей, и, когда Жакмар отворил их, то, поспешая вскочить во внутренность, ноги ее подкосились, и она поверглась без чувств в объятия своего мужа. Бедный Жакмар, пораженный ужасом и сожалением, приносит ее к огню, почти загасшему от снега, не находя других средств к вспомоществованию ей. Бу-

дучи объят родом бесчувственности, прижимал ее к груди своей, смотрел, воздыхая, на изодранную ее одежду и окровавленное лицо. Младший из его сынов старался отогреть руки матери своей, потирая их малыми своими ручонками, между тем как старший, раздув остатки погасающего огня, сушил ветхое одеяло свое, чтоб покрыть им страждущую.

Дюнифледа была долгое время в беспамятстве, но наконец, открыв глаза, испустила глубокий вздох и увидела вокруг себя мужа и детей своих. Сие зрелище несколько ее ободрило, и она казалась подобно просыпающейся от сновидения, возмутившего ее чувства. Потом, несколько успокоившись, «бежим, — говорила она мужу своему с чрезмерным движением и столь тихо, что едва мог он слышать, — бежим, любезный Жакмар, не теряя ни...» Сие последнее слово умерло на губах ее, и она впала в обморок; ее муж и дети испустили вопль ужаса. Они находились еще в сем мучительном положении, как некто входит в хижину, закутавшись епанчою, скрывавшею лицо его.

— Беги, Жакмар, — говорит он ему, — беги к Гродерну; малейшая медленность погубит всех вас безвозвратно; сей же час поспедай к Гродерну и ожидай там известий от Альвина.

Произнесши сии короткие слова, удаляется скоро из хижины, и тем избегает дальнейших вопросов.

— Великий Боже! — вскричал расстроенный Жакмар. — Чем я навлек такое гонение, и какой враг стремится погубить меня?

Объятый удивлением, взирал он в безмолвии на свою супругу, которая между тем получила употребление чувств. Он просил ее изъяснить, что значило посещение незнакомца; его слова, собственные ее выражения, произнесенные еще до прибытия его, и наконец, отчего изодрана на ней одежда и оцарапано лицо.

— Не требуй, милый мой, — отвечала она, — чтоб такое изъяснение истощило теперь остатки сил моих, которые нужны для удаления нашего с помощью твоею к Гродерну. Поспешим, друг мой, не теряя ни минуты; спасем лю-

безных детей наших.

Между тем как Дюнифледа побуждала мужа своего к бегству, Гродерн предстает пред ними, — последуемый сыном своим.

— Друзья, — говорил он им, — я пришел с Эдгаром предложить вам свои услуги; Альвин был у меня и послал меня к вам.

— Кто этот Альвин? — вопрошал Жакмар.

— Теперь не время отвечать на вопросы, а должно идти. Дюнифледа, твой муж и мой сын тебя поддержат, а я поведу ваших детей.

Дюнифледа, опираясь на своих путеводителей, шла медленно; дети же, почти оледеневшие, не могли выкарабкаться из снега; старик посадил старшего на свои плечи, а Эдгар принужден был нести младшего. Наконец с величайшею трудностию достигли своего убежища. Супруга Гродерна положила Дюнифледу на свою постелю, составленную из мха и сухой лесной травы и покрытую толстым полотном, которое служило простынею и одеялом. На сей постеле оставили Дюнифледу одну, чтоб не нарушать ее покоя.

Жакмар, для которого все это происшествие было загадкою, требовал в том изъяснения от Гродерна, который частью удовлетворил его в следующих словах:

— Около четверти часа пред тем, как я к вам пошел, Эдвард, один из служителей супруги герцога Альберта, входит в мою хижину и просит, чтоб я как возможно поспешил дашь тебе и с семейством на сию ночь у себя убежище, говоря, что в случае моего в том отказа или малейшей медленности погибель твоя неизбежна. «Ты скажешь им, — присовокупил он, — что послан от Альвина». Хотя он был перодеет, я легко узнал в нем Эдварда; но, не делая никакого вида о сем открытии, дабы не произвести в нем подозрения, пошел немедленно к вам.

— Увы! — отвечал Жакмар. — Боюсь, не скрывается ли тут какого ни есть предательства. Герцог поступает весьма бесчеловечно со всеми своими подвластными, которые имеют дочерей или жен, могущих красотою своею привлечь

его внимание. Я трепещу о своей любезной Дюнифледе.

— Будь уверен, Жакмар, — возразил Гродерн, — что этот слух о герцоге совершенно лжив; он человек примерной добродетели и готов бы учинить всех своих подвластных счастливыми, когда б его жена в том ему не препятствовала. Она столь развращенна, что все течение жизни ее составляет непрерывную цепь распутств и преступлений. Но ты как можно старайся таить мое открытие в рассуждении мнимого Альвина и мои мысли о его госпоже.

— Уверяют, — говорил Жакмар, — что злодеяния герцога суть причину беспорядков, причиняемых ужасными страшилищами, обитающими в одном отделении замка.

— Скажи лучше, — отвечал Гродерн, — что чрез это откроются некогда преступления его супруги; но оставим сию материю, в изъяснение которой входить опасно; я боюсь, чтоб из середины хижины своей не быть подслушанным и не привлечь ее мщения.

— Завтра, может быть, моя Дюнифледа в состоянии будет обнаружить это таинство.

— Эдвард переделался не без причины, — говорил Гродерн, — почему нам должно во всех своих поступках и разговорах наблюдать величайшую предосторожность. Под правлением злого властелина ни к чему не послужит искренность и простодушие бедного поселянина, которого добродетели делают разительную противоположность с пороками знатных, и потому принимаются от них за поругание.

Когда злобная супруга герцога Альберта стремится к погублению кого-нибудь из нас, то бегство или хитрости, противопоставленные ее хитростям, есть едиными средствами, чтоб не учинишься жертвою ее мщения. Я уже с давнего времени предметом ненависти ее.

— Какая же тому причина, друг мой, и каким способом учинил ты это ужасное открытие?

— Неограниченное ее распутство побудило ее клясться в моей гибели, и добродетелями одной из ее же пола обязан я частию сим открытием; но мы теряем напрасно время в сих поверенностях. Завтра ты узнаешь мою историю. Старайся успокоить сном движения своего духа; после уве-

домлю тебя о своем намерении.

— Ах! Гродерн, я не могу заснуть; усталость моя прошла, но страх, удивление и любопытство меня терзают; сколь несносно мое положение!

Дети давно уже уснули на соломе, по полу насланной. Гродерн чувствовал также нужду в успокоении, что и послужило предлогом отказа в удовлетворении любопытства Жакмара, который наконец оставил его покоиться, не могли сам последовать примеру его, и, будучи погруженным в мрачные размышления, ожидал в молчании рассвета. Коль скоро рассвело, Гродерн встал и говорил Жакмару следующее:

— Друг мой, мы здесь подвергаем опасности свою свободу и жизнь; я знаю одно надежнейшее место для нашего сокрытия. Игуменья недалеко отстоящего отсюда монастыря издавна есть моим другом и благодетельницею. Я жил долго в доме ее отца и разделял с нею детские игры, и с тех пор время не изгладило из ее памяти нашего старого дружества. В сей-то монастырь, любезный Жакмар, должно нам идти сего утра искать убежища. Она нас примет в свое покровительство, доколе не получим подробнейших известий о всем происшедшем или не придумаем лучшего на будущее время плана, но прежде, нежели поведу я вас туда, обещаюсь никогда не спрашивать меня и не стараться изведывать, каким способом буду я получать сии известия, ибо чрез то лишимся мы последней надежды. Будь спокоен, и все исполнится по нашему желанию. Разбудим Дюнифледу и, немного позавтракавши, пойдем все в монастырь.

К счастью, дождь шел во всю ночь, снег растаял и беглецы наши не могли опасаться погони по их следам. Укрепившись несколько сыром и ячменными лепешками, удалились они из хижины. Гродерн приказывал хранить молчание во время прохода чрез лес, опасаясь, чтоб какой ни есть сокрытый в нем шпион их не подслушал и не изменил бы им.

— Я уверен, — говорил он, — что посланные от Брюншильды придут сюда непременно сего утра, чтоб захватить нас.

— Но когда мы пройдем этот лес, — говорил ему Жакмар с нетерпеливостью, — тогда что воспрепятствует тебе изъяснишь нам о причине ее гнева? и для чего не выслушать повести Дюнифледы?

Дюнифледа уверяла, что она так утомилась и озябла, что не может дорогою удовлетворить их желанию, и просила, чтоб отложить это до прибытия в монастырь.

— Твоя правда, — сказал Гродерн, — там найдем мы хороший огонь и можем способнее и безопаснее разговаривать.

Они шли в молчании; но по выходе из леса утренний холод учинился столь ощутительным, что слабая Дюнифледа и ее юные дети почти не могли переносить его.

— Ободришь, милая моя, — вскричал Жакмар, — монастырь уже очень близко.

— Увы! — отвечала она, дрожа. — Я не могу дойти до него; силы мои совсем истощились. Вчерашние страхи и теперешнее путешествие непременно прекратят горестную жизнь мою.

Несчастливая Дюнифледа жаловалась не без причины: она приближалась ко времени разрешения от своей беременности; ужасы, пренесенные ею накануне того дня, ускорили сроком оной, и она начинала уже ощущать болезни деторождения. Однако же продолжала чрез силу влещися, и около шести часов утра заметили они башни монастыря.

— Теперь нечего опасаться, — говорил Гродерн. — Ободришь, Дюнифледа, я вижу свет в аббатстве, и вероломная Брюншильда не может уже воспрепятствовать нам туда достигнуть.

— Изменник, — вскричал вдруг незнакомый голос, — ты считаешь себя в безопасности; но благодаря сей счастливой встрече, теперь ты в моей власти.

В то ж мгновение Гродерн получил удар кинжалом и, оборотившись, увидел при свете потаенного фонаря Конрада, одного из наперсников Брюншильды; Жакмар, привлеченный воплем Гродерна, бросился на убийцу с свирепостью тигра, вырвал у него кинжал и пронзил им сердце его. Конрад упал и испустил дух, изрыгая тьмы укори́з и

проклятия. Дюнифледа, испустивши пронзительный крик, поверглась в обморок. Увидев текущую кровь Гродерна, помыслила, что убийца был не один, и страх впасть в руки их лишил ее чувств.

— Что нам делать? — вскричал Гродерн, несмотря на свою рану, которая, по счастью, была легка. — Ежели мы не унесем сего трупа, то он может открыть наше убежище. Эдгар и Жакмар, пособите мне донести его до монастыря.

— А моя Дюнифледа? — отвечал Жакмар. — Неужели оставить ее в сем положении?

Гродерн испугался, увидев ее лежащую без чувств.

— Должно стараться, — вскричал он, — донести ее до монастыря; мой сын останется здесь для погребения трупа. Беги, Эдгар, беги и выпроси в монастыре нужные к тому орудия; поспешай как можно, мы не можем стащить сего несчастного, чтоб следы крови его нам не изменили.

Эдгар пошел, и двое оставшихся достигли медленно монастыря, неся ослабевшую Дюнифледу, которую хороший огонь и нужные пособия вскоре возвратили к жизни, но болезни деторождения усугубились, и она родила мертвого младенца.

Игуменья, монахини и супруга Гродерна служивали ей с величайшим старанием, но с малою надеждою спасти ее жизнь.

Эдгар, зарывши труп Конрада, вскоре возвратился. Он никого не приметил и казался быть уверенным, что тело пребудет сокрытым.

Жакмар, будучи занят страданием и опасностью своей несчастной супруги, не думал возобновлять вопросов своих. Дюнифледа чрез многие дни не могла произнести ни одного слова. Наконец, желая удовлетворить просьбе своего мужа, стала говорить чрез силу; ее хотели от того удержать, доколе не придет в лучшее состояние; но она отвечала, что сия отсрочка не спасет ее жизни, что она чувствует уже приближение смерти и прежде, нежели испустит дух, потщится исполнить эту обязанность. Потом, ободрившись несколько приемом крепительного, зачинала мужу своему следующее повествование:

— Тебе известно, мой любезный Жакмар, что я пошла утром очень рано для продажи нашего сыра. Направила путь к деревне, смежной с замком герцога Альберта, в надежде скорее сбыть с рук произведение свое и достать припасов для прокормления наших детей. Может быть, думала я, по счастью встречу с великодушною моею покровительницею Гильдегардою, которая нередко прогуливается в сих прекрасных окрестностях, и получу от сострадательности ее некоторое пособие в положении моем. В продолжении пути настиг меня один молодой человек и спрашивал, куда я иду, о чем узнавши, сказал, что и ему дорога лежит в ту же сторону, потому предлагал идти вместе, и от скуки кое-что разговаривать. Как мне не очень нужно было его сотоварищество, то я дала ему волю болтать все, не отвечая ни слова. Но он наделал мне столько вопросов, что ни как невозможно было хранить более молчания. Наконец спросил, видала ли я когда герцога. «Никогда», — отвечала я ему. — «Ежели он, паче чаяния, с вами встретится, то неужели и тогда его не узнаете?» Я отвечала, что не узнаю. «Итак, советую вам, — говорил он, — его удаляться; он человек преопасный. Девицы и женщины несколько красивые подвержены его гонению, и редко избегают его рук, потому что он имеет нарочных людей, которые выискивают их у всех окружных поселян». «Я уже слыхала о чрезмерных развращениях герцога, — отвечала я ему, — но что касается до меня, то не имею причины его опасаться, потому что, хотя мой муж и считает меня красавицей, но я уверена, что это неправда, и думаю, что одной его нежности одолжена преимуществом, изъявляемым от него мне пред многими другими, которые во всех случаях гораздо меня прекраснее. При том же, не может понравиться знатному господину поселянка, загорелая от солнца и не имеющая белизны дам, провождающих жизнь в великолепных палатах; а сверх того, и самая бедность есть моею защитою: он не унизит себя воззрением на скудную женщину, имеющую часто недостаток даже в нужной одежде для своего прикрытия». «Ах, вы не знаете еще герцога; он не очень лаком до знатных женщин, сухих и бледных, о которых вы хоте-

ли говоришь; а напротив того, легко прельщается миловидными и свежими поселянками, которых веселый вид имеет блеск весны, а дыхание запах розы; словом, такими, которые вам уподобляются». «Ваши слова, государь мой, заставляют меня опасаться, что и вы не столько ли развращены, как и герцог, и мне очень стыдно, когда меня увидят с вами». «Вы несправедливо обо мне судите: хотя я взираю с удовольствием на красавиц, но это для того, чтоб в нужном случае сделаться их защитником. Боже меня избави, чтоб я когда-либо покусился учинить им хотя малейшее оскорбление. Впрочем, грубая ваша одежда возвысит еще более пред глазами герцога блеск ваших прелестей». «Но я слышала, что некоторые судят совсем другим образом о герцоге Альберте. Они почитают его отцом сирых и защитником бедных». «О! без сомнения, а особливо таких, которые вашего пола. В одном отделении его замка приготовлены комнаты для тех, которым он делает честь своим покровительством, и нарочно пропускают слух, что будто обитают в них духи; но будьте уверены, что все эти духи есть не иное что, как прелестные красотки».

Я не знала, чему верить; незнакомец сказал потом, что ежели пойду я назад поздно, то бы его уведомила, и обещался проводить меня другою безопаснейшею дорогою. Я отвечала, что могу обойтись без него, и просила, чтоб меня оставить. Наконец он удалился, говоря, что весьма скоро, может быть, нужна мне будет его помощь. Я достигла деревни, имела счастье очень выгодно продать свой сыр, и возвращалась с радостью, помышляя непрестанно о наших милых детях. Как уже начинало смеркаться, то я пошла прежнюю дороною, не зная другой, и до самого леса не встречала никого; но, вошедши в него, увидела двух чело-век, стоящих позади толстого дерева; я испугалась и между тем, как шла медленно, они, бросившись на меня, схватили и хотели утащить в густоту. Я билась изо всей мочи; но силы мои были недостаточны к сопротивлению им, и крик мой извлекал из них одни токмо ругательства. «Я думаю, — сказал один из них, — что граф довольно щедро наградит нас за эту прекрасную девочку». «Почему же ты

называешь всегда Альберта графом?» — говорил ему товарищ. «Ну ин Герцог, когда тебе угодно, — отвечал он, — это все, кажется, равно». Вопли, непрестанно мною испущаемые, привлекли ко мне на помощь одного человека, прибежавшего с обнаженным мечом. Страх, слабость и уязвления, причиненные грубостью сих изменников, повергли меня в обморок; я упала без чувств и, опамятававшись, увидела себя поддерживаемую своим избавителем, в котором узнала того молодого человека, с коим утром встретилась. Он упрекал меня в несправедливых моих подозрениях, присовокупляя, что, может быть, впредь не буду презирать его советами. Приведенная от того в стыд, старалась пред ним как можно лучше извиниться. Он говорил, что не может проводить меня, потому что спешит преследовать двух бездельников, убежавших в то время, когда я приходила в чувства. «Поспешай теперь домой, — продолжал он, — и не будь столь недоверчива». Тогда уже сделалось так темно, что не видно почти было дороги, и вскоре поднявшаяся буря увеличила мрак ночи. Будучи покрыта снегом и дрожа от стужи, много раз сбивалась я с дороги, прежде нежели достигла до нашей хижины. Вот, любезный Жакмар, причина моего выражения и беспорядка, в котором ты меня встретил; я не должна еще умолчать, что молодой человек, меня освободивший, сказал, чтоб я помнила об Альвине.

Дюнифледа, окончив повесть свою и почувствовав великое расслабление, просила друзей своих дать ей на несколько часов успокоиться. Они вышли из кельи, в которой она лежала, в другую комнату, где разведен был огонь.

— Великий Боже! — вскричал Жакмар. — Каким ужасным опытам милая моя Дюнифледа была подвержена! Но как могу я выразить всю свою признательность благородному, великодушному Альвину?

— Ты весьма мало знаешь цену оной, — отвечал ему Гродерн, — когда достаиваешь ею такого мерзавца.

— Несправедливый старик, — возразил Жакмар, — не обязан ли я благодарностию тому, кто подверг свою жизнь для спасения жены моей?

— Легковерный молодой человек! Сей предатель есть убийца твоей несчастной супруги; и благодарность вместо добродетели делается пороком, когда оказывают ее вероломному лицемеру, который под предлогом мнимого к тебе усердия стремится иметь вернейший успех в своих подлых пронырствах.

— Ах, Гродерн! но не оказал ли он опыты великодушия, бескорыстия и храбрости?

— Верь мне, Жакмар, что этот Альвин есть человек самый развращеннейший. Сколь удобно юность обманывается наружностью! Кто исполнен честных правил, тот судит обо всех по самом себе и не способен к открытию предательства; подобно тому и ты, любезный Жакмар, не можешь приметить хитростей изменника.

— Но почему ты называешь его убийцею Дюнифледы?

— Я и опять то же подтверждаю. Помнишь ли, когда она, рассказывая о двух своих похитителях, упоминала об ошибке в названии графа вместо герцога?

— Очень помню.

— Знаешь ли графа Губерта?

— Ах, Гродерн! как ты осмелился его так назвать? Разве не известно, что с давнего времени запрещено под смертною казнию давать ему это имя? Его называют теперь графом Рихардом.

— С которого времени носит он сие название?

— С тех пор, когда злой граф Рихард скрылся от сего двора. Хотя я был еще тогда малолетен, но помню, что многие из поселян были захвачены и посланы неизвестно куда за то, что называли Губертом нынешнего графа.

Сии слова наполнили гневом и удивлением Гродерна; он хранил молчание и казался погруженным в мрачные размышления.

Около часа спустя после того Дюнифледа позвала Жакмара, который, вошедши к ней, увидел, что сон ни малого не сделал ей облегчения, и болезнь ее еще более усилилась.

Ее муж тщетно прилагал все старания, чтоб возбудить в ней бодрость; он уговаривал ее, осыпал ласками, начинал даже петь любимые ею песни, которые прежде часто раз-

гоняли печаль Дюнифледы, но ничто уже не действовало: она говорила только о смерти.

Жакмар хотел еще продолжать пение; но звуки его противу воли выражали горестное положение его сердца, и он сам начинал предаваться отчаянию.

— Ободришь, — говорил он, — ободришь, милая Дюнифледа; дай мне насладиться еще воззрением на твою прелестную улыбку; ободришь, буря уже прошла, и мы благополучно достигли тихого пристанища.

— Увы! — отвечала Дюнифледа слабым голосом к величайшему его прискорбию. — Не время уже мыслить об улыбке; буря хотя миновалась, но я не в состоянии перенести претерпленных от нее потрясений. Должно нам разлучиться, нежный друг, разлучиться навсегда; не скорби, Жакмар, тебе нужно сберечь силы свои для попечения о своих милых детях, о детях супруги, тобою любимой.

Голос ее пресекаясь, она опрокинулась на постелю. Опечаленный ее ответом, несчастный муж думал, что она закрыла глаза от слабости, и полагал, что упала в обморок, почему и возразил, сжимая руки ее и орошая их слезами своими:

— Престань, о Дюнифледа, мыслить о смерти, взгляни на мужа своего, награди его одним взором, одною улыбкою; промолви хоть одно слово, одно только слово, и я буду спокоен.

Дюнифледа не отвечала; он поднял ее с постели, прижимал к груди своей, омочая слезами. Невнятный звук изшел тогда из гортани ее, и она растворила рот; несчастный Жакмар томился, продолжал говорить с нею, просил ответствовать ему хотя одним словом, потрясал ее тихо, но все было тщетно; ибо не для разговоров отверзлись ее уста, а последний вздох жизни вылетел с усилием, разверзшим ее челюсти, и погасшие и закатившиеся глаза ее уверили наконец бедного Жакмара, что он не имеет уже супруги.

Но затворим дверь келии и оставим несчастного мужа с чрезмерною горестию оплакивать всю великость своей потери. Сие раздирающее зрелище не может быть приятным для чувствительных читателей.

Гродерн, со времени прибытия в монастырь делавший частые из него отлучки, возвратился вечером того же дня, в который Дюнифледа была погребена. Он уведомил Жакмара, что должно на время позабыть печаль свою и приготовиться к происшествиям следующего дня, в который нужно будет собраться со всею бодростию.

— Завтра, — говорил он, — придут нас искать в сей монастырь, потому что Брюншильда известна уже о нашем здесь пребывании. Она потребует именем герцога, чтоб нас предали в руки ее посланных, и когда того не сделают добровольно, то не преминет принудить к тому силою.

— Разве ты известен уже, — спросил его Жакмар, — о последствиях происшествия, в лесу с нами случившегося?

— Конечно, — отвечал ему Гродерн. — В утро нашего побега подали герцогу жалобу, в которой обвиняли всех нас, что будто мы напали на двух служителей Брюншильды и непременно лишили бы их жизни, ежели б Эдвард не подоспел к ним на помощь, присовокупляя к тому, что мы после того направили путь к моей хижине. Тогда же послана была стража для взятия нас, но уже там не застала, и по тщетных поисках возвратилась, не могши получить никакого известия. Никто не видал нас с прошедшего дня, и на чинимые вопросы отвечали, что неприметно было никаких приготовлений к нашему побегу. И как того же утра Конрад, вышедший очень рано, пропал без вести, то не умедлили и сей случай обратить к нашему обвинению, утверждая, что мы его убили и, конечно, сокрыли труп. Брюншильда приведена была в великий гнев сею потерею, потому что он был из числа любимейших служителей этой ненавистой женщины.

— Разве можно считать преступлением отличие, оказываемое одному служителю перед другими? — спросил Жакмар.

— Нет. Это не есть преступление, и чувства дружбы, основанной на добродетели, возвышая душу, побуждают к благотворениям; но супруге герцога Альберта чужды таковые чувства; она расточает для всех благосклонности, на которые один муж ее имеет право, и ежели б деревья сада ее

имели язык, то они бы обнаружили ее распутство с Конрадом. Наш побег наполнил ее яростию; тщетно старалась она угадать о причине оного. Начинала сомневаться о верности сообщников своих, подозревая, не уведомил ли кто из них нас о ее намерениях, и тем побудил к бегству. Долгое время питала она ненависть к участникам тайных своих совещаний, перестала было иметь с ними сношение; но, опасаясь совершенного с ними разрыва, дабы чрез то не обнаружились ее преступления, и желая получить нас во власть свою, принуждена была помириться. Потом один из служителей ее, шедши тою же дорогою, по которой мы сюда прибыли, увидел, возле ямы недавно разрытой, лежащий труп, на груди которого была рана, доказывающая насильственную смерть, и как оный был совершенно обнажен и частию растерзан хищными птицами, то служитель заключил, что убийство сделано уже давно и что, конечно, холодность воздуха препятствовала согнitiю тела; по сем замечании хотел было удалиться, как черты мертвого привлекли его внимание, и он узнал в нем Конрада. Я думаю, — присокупил Гродерн, — что некто, проходя сим местом и приметив, по растаянии снега, недавно рытую землю, любопытствовал узнать, не сокрыто ли в ней чего-нибудь; но, раскопав оную и увидев труп, порядочно одетый, не упустил воспользоваться сею одеждою, и таким образом оставил на поверхности нагое тело. Служитель Брюншильды поспешил донести ей о своем открытии; это происшествие сначала показалось ей неизъяснимым, но вспомнив, что дорога, на которой найдено тело, лежала к монастырю, уверилась, что мы в нем сокрылись, тем более, что игуменья почитается от всех покровительницею бедных поселян сего округа. Все это и подало повод к завтрашнему обыску сего монастыря; Брюншильда обвиняет нас в убийстве и воровстве; герцогу показали тело Конрада, и он не уедлит признать нас виновными, потому необходимо должно нам укрыться, ибо одна наша невинность не может нас избавить от смерти. Самое бегство наше подозрительно, и мы не имеем свидетелей, могущих удостоверить, что действовали, защищая свою жизнь. Итак, вот мой план: жена моя

наденет одежду одной из монахинь; мы, переодевшись в такое же мужское платье, будем почитаться монахами окрестного монастыря. Игуменья же принимает на себя сокрыть твоих детей.

— Но, любезный Гродерн, как они осмелятся приступить к таковому обыску монастыря? Какое право имеют дерзнуть на сие святотатственное деяние?

— Какое тут право, где одна сила владычествует? Могушество дворянства учинилось неограниченным; тщетно народ, им угнетаемый, приносит жалобы свои королю, который есть не иное что, как такой же дворянин, отличающийся одним только титулом, потому что, ежели он и покусится иногда к обузданию их наглостей или к осуждению поступков, то получает одни дерзкие и возмутительные ответы: одним словом, Гуг Капет есть кукла, к которой оказывают притворное почтение, не имея ни малейшего повиновения*.

— Но игуменья разве не может принести жалобы Папе, и угрожать его мщением?

— Нет, Жакмар, они презирают самого Папу, и ежели нас отыщут, то произведут суд, обвинят и будем казнены единомышленниками Брюншильды.

Гродерн на несколько минут замолчал, а Жакмар, рассуждая об опасностях следующего дня, нечувствительно забыл их, чтоб предаться вновь горести о своей потере. Приобыкнувши к беспрестанным трудам, не имея воспитания и не зная даже читать, чем мог он рассеять печаль свою в такое время, когда многие дни должен был провождать в бездействии?

Жакмар доселе знал скуку по одному только названию, ибо, занимаясь во весь день тяжкою работою, не имел он времени помыслить о положении своем; вечером же, воз-

* Должно заметить, что эта повесть относится ко временам французского короля Гуга Капета, когда Франция разделялась на феодальные правления и каждый владетель, в наследственном уделе своем, был вроде самовластного и независимого государя.

вращаясь в дом, находил жену и детей своих, старающихся наперерыв оказывать ему все нужные услуги, так что, будучи осыпан их ласканиями, не чувствовал ни малейшей усталости и проводил ночь в крепком сне до самого того времени, когда должно было вновь идти на свою работу; таким образом текла его жизнь до прибытия в монастырь. Теперь же, проводя время в праздности и не имея способов к разогнанию мыслей о своем несчастье, впал он в мрачную задумчивость. Гродерн, сжалившись на его страдания, покушался рассеять грусть, его терзающую.

— Жакмар, — говорил он ему, — я хочу тебе рассказать о происшедшем в замке прошедшего вечера: это может уверить тебя, что в отделении его обитают не наложницы герцога Альберта, как тебе сказывали. Рыцарь, именуемый сир Раймонд фиц Генрих, приехал вчерашнего вечера из Англии, и находится теперь в замке с другим рыцарем, который скрывает настоящее свое имя и носит черные доспехи. Его лошадь черна, весь на ней прибор и все его вооружение такого же цвета, исключая только, что когда просили его показать герб свой, то, сняв черную тафту, покрывающую его щит, увидели на нем живопись. «Под сею живописью, — говорил он, — пребудет сокрыт мой герб, доколе не свершу одного известного мне подвига, и тогда уже узнаете о моем достоинстве и имени, а до тех пор буду называться просто Гримоальдом-мстителем». Живопись, покрывающая поле его герба, изображает женщину, убившую старого аиста, который лежит распростертым у ног ее. Из тела сего аиста выходит молодая змея и начинает извиваться около ноги женщины, на лице которой начертана болезнь, ощущаемая ею от угрызания змеи, и она, казалось, тщетно старалась освободить от нее ногу свою. Сей рыцарь имеет вид благородный и величественный; но не находилось при нем ни оруженосца, ни пажа. Брюншильда смотрела на него с любопытством и удивлением, и взоры ее, встречаясь с его взорами, изъясняли по временам род некоего смущения.

Лишь только отворили ворота, то объявил он, что главною причиною его путешествий есть искание приключе-

ний, и что, увидев издалека замок, приехал просить в нем гостеприимства. В продолжение ужина некто из собеседников завел речь о комнатах, обитаемых духами, и тем подал повод ко многим шуткам со стороны герцога, который уверял, что все это есть вымышленная басня. Тот, которого ты называешь графом Рихардом, подтверждал то же, присовокупив с смущением, которое тщетно скрыть старался, что все сии нелепые сказки происходят от каких ни есть глупых вралей, которые, не зная, по какой причине сей флигель необитаем, принимают за истину все небылицы, внушаемые суеверием и ужасом.

Сей разговор был последуем пространным рассуждением о бродящих мертвецах и привидениях, и до тех пор не представляли углубляться в сей предмет, пока Брюншильда, уставши изъяслять взорами нетерпеливость свою, не стала просить, чтоб прекратили разговор о столь нелепой материи. Граф, ее брат, присоединился к ней и старался заговорить о другом. Это, казалось, более его беспокоило, нежели его сестру, так что аглинский рыцарь фиц Генрих, равномерно и рыцарь неизвестный, приметив смущение Губерта (я никогда не дам ему другого названия) и гнев Брюншильды, хранили молчание. Но один из гостей, как видно, не из одного любопытства, но забавляясь смущением брата и сестры, несмотря ни на что, старался продолжать разговор.

— Вероятно, что в сем отделении совершилось некогда убийство, — сказал он наконец.

— Какой же имеете повод предполагать, — спросила его с гордым видом Брюншильда, — что учинено убийство в замке предков моих?

— Я этого не предполагаю, сударыня, — возразил сей лукавец с острою и многозначащею улыбкою, — но мне кажется, что тени умерших не показываются без причины.

— Все эти мысли о привидениях, — сказала ему с гневом Брюншильда, — доказывают недостаток здравого смысла в тех, которые ими занимаются.

— Но осмелюсь спросить, — продолжала безумолкная особа, обратясь к герцогу, — для чего заперли и совершен-

но оставили сии комнаты?

Брюншильда, во взорах которой блистало свирепство, не дала времени герцогу ответить.

— Они нам не нужны, — вскричала она, — мы имеем довольно комнат без сих темных погребов.

Это подстрекнуло любопытство Гримоальда, который, выдав себя с начала приезда за искателя приключений, рассудил, что не почтут неучтивостью, когда попросит дозволения ночевать в одной из сих комнат.

— Завтрашний день, — присовокупил он, — когда увидят меня вышедшим оттуда целым и невредимым, тогда уверится всяк, что духи существуют только в воображении легковверных людей, и все о том догадки, которые госпожа герцогиня признает справедливо нелепыми, навсегда исчезнут. Нетопыри и крысы, которые по большей части бывают причиною стука, приписываемого духам, могут тогда спокойно занимать свое жилище, и никто не станет насчет их распространять смешных небылиц.

— Рыцарь, — отвечала Брюншильда, — комнаты для вас уже готовы в обитаемой части замка, где препokoиваем мы всех, заслуживающих наше почтение; но когда вы этим недовольны, то завтра же отворятся для вас ворота, и вы можете ехать куда угодно. Попытайтесь при других дворах Франции найти более к себе уважения.

Она надеялась чрез сей оборот наложить молчание на собеседников; но чувствуя, что слишком разгорячилась, и опасаясь, чтоб сего не заметили, вышла из-за стола и удалилась. Брат ее последовал за нею, и все прочие разошлись по своим комнатам, исключая только герцога Альберта, сир Раймонда и Гримоальда-мстителя.

— Боюсь, — говорил Гримоальд, — не оскорбил ли я герцогиню своими о замке вопросами?

— Она действительно, не знаю отчего, несколько рассердилась, — отвечал герцог. — Каждый раз, когда начнется речь о сем предмете, она старается переменить разговор, как видно, потому, что такие нелепости ей не нравятся или, по крайней мере, одно это полагает она тому причиною.

— Проведя одну ночь в опустевших комнатах, я освобо-

дил бы ее навсегда от сих неприятных для нее разговоров.

— Я в том вашего же мнения, и охотно бы на это согласился, — отвечал герцог, — но герцогиня всегда противится таким предложениям, и мне не хочется для такой безделицы ей противоречить.

— Но сколь давно заперты сии комнаты? — спросил Гримоальд.

— Не могу о том сказать вам утвердительно, — отвечал Альберт, — но еще задолго до того, как замок достался во власть мою, он принадлежал отцу герцогини, и со времени сочетания моего с нею перешел в мои руки. И как мы не имеем никакого недостатка в комнатах, то я никогда и не думал, чтобы отпереть это отделение или уведомиться о причине, по которой оно оставлено.

— Вы, конечно, не знаете, что сие обстоятельство причиною молвы, весьма оскорбительной для чести вашей и герцогини?

— Я часто слышал, что окружные поселяне думают, что эти комнаты обитаемы духами, и будто некогда совершилось в них убийство; но всегда презирал сии народные сказки, притом же они не могут упадать на мой счет, потому что сей флигель опустел еще во время прежнего князя, обладавшего замком.

— Молва, носящаяся о сем замке, давно уже мне известна, — говорил Гримоальд, — и я слышал об ней еще в отдаленных провинциях. Сего же дня, будучи принужден от жестокой бури укрыться в хижине одного поселянина здешней округи, спросил его, кому принадлежит замок, коего башни видны из-за леса, его окружающего. Он наименовал герцога Альберта, и ваше имя привело мне на память все слухи, доселе о вашем замке до меня дошедшие; но я умолчал об них, желая изведать стороною мнение ваших соседей и удостовериться, справедливы ли о том народные рассказы.

— Как, — сказал ему герцог, — неужели и вы верите привидениям?

— Конечно, не верю, и не подал ни малейшей причины, чтоб считать меня столь суеверным; я говорил уже и опять

повторяю, что духи есть не иное что, как крысы и нетопыри; но при всем том должен вам сказать, что сии слухи и обстоятельства, кои к ним присоединяют, не иначе могут продолжаться столь долгое время в умах народных, как посредством какой ни есть хитрости, которая их поддерживает, почему и стремился я всегда входить в подробность таковых происшествий и стараться сколь возможно их обнаружить. Итак, на сей раз ограничил я вопрос свой тем, не находится ли в соседстве каких редкостей, заслуживающих внимания, нет ли в окружности какого места, в котором бы наносили беспокойства привидения, и не имеют ли поселяне нужды в защите от каких-либо притеснений или обиде? При сих словах один из поселян, меня окружавших, поднял великий смех, от которого не скоро мог уняться. Я забавлялся его веселостию, хотя не знал причины ее; потом, когда он перестал смеяться и сделался в состоянии мне отвечать, просил я его изъяснить, что произвело в нем такую необычайную радость. «Я смеялся противу воли, государь мой, — отвечал он мне, — о странном мнении, которое вы, как кажется, имеете о своем могуществе; вы спрашивали о редкостях в сей окружности, о привидениях, об обидах и притеснениях, как будто бы во власти человеческой состояло от всего этого нас избавить; ибо, ежели бы я вам сказал, например, что наш герцог в одном отделении своего замка держит страшных чудовищ, запертых в большом сундуке, к которому под смертною казнию запрещено приближаться, тогда, думаю, что любопытство ваше не было бы столь сильно, чтоб к тому отважиться». «Это правда, друг мой, в таком случае любопытство мое не нашло бы ничего, заслуживающего предаваться видимой смерти». «Я видал, — возразил поселянин, — довольно безрассудных рыцарей, отваживающихся на предприятия, совсем бесполезные, единственно для того, что исполнение их казалось сопряженным с трудностию. Но ежели скажу вам, что в северном отделении замка находится столько же привидений и духов, сколько окошек?» «Привидения и духи во всю жизнь мою не причинили мне ни малейшей язвы, хотя я многократно нападал на них, почему нимало не беспокоюсь, еже-

ли их было столько же, сколько листьев на деревьях, замок окружающих». «В этом вы правы, государь мой, потому что жестокая стужа, снег и бури не оставили на деревьях ни одного листочка. Впрочем, всяк здесь уверит вас, что видали часто множество привидений во всех окошках и на всех башнях замка; но я, с своей стороны, хотя неоднократно обходил замок днем, ночью и при свете луны, а не приметил еще ни одного из них. Что же касается до притеснений, то один Бог может от них нас защитить, ибо с некоторого времени все поселяне без изъятия претерпевают ужасные гонения и насилиства от герцога и его супруги. Чтоб сам сатана побрал их обоих!»

— Весьма обязан вашему историку, — отвечал Герцог, — за отзыв его о моих жестокостях и за учтивое выражение, коим его окончил. Но, однако же, я не могу понять, какая бы была причина распространять ему такие клеветы; ибо я весьма льстил себя, что подвластные мне поселяне живут счастливо и покойно, и сколько мог, старался содействовать их благоденствию. Но прошу продолжать.

— «Это странно, — сказала одна молодая женщина, когда поселянин замолчал, — что ты никогда не видал привидений в замке, между тем как многие утверждают, что видали их почти каждую ночь, и притом же, о справедливости этого нельзя усумниться, потому что все герцогские служители в том согласны». «Но не известно ли вам, каких особ тени изволят таким образом шататься по замку?» «О! ежели я об этом скажу, и дойдет то до сведения злой Брюншильды, тогда должно всем нам проститься с жизнью, и тени наши вместе с прочими преселятся обитать в замок». «Не опасайся ничего, — сказал я ему, — ибо, ежели эта повесть вымышлена, то не можешь никому нанести оскорбления, а тем менее заслужить вероятия, будучи столь нелепою». «Должен сказать вам, добрый господин, что одно только благодетельное существо обитает во всем замке; и оно есть добродетельная Гильдегарда, дочь герцога. Почти не можно подумать, что она произведена в свет столь жестокими родителями; но зато и ненавидима своею матерью. Говорят еще, государь мой, что во время жизни княгини

Гунильды, матери нынешней герцогини Брюншильды, граф Рихард пропал вдруг без вести с женою и всеми своими служителями; а несколько перед тем сын от первой жены ее мужа, будучи еще младенцем, также неизвестно куда исчез; Гунильда и сын ее называли его весьма злым человеком». «Кого же они так называли?» «Графа Рихарда, государь мой; они говорили, что он убежал ночью в тех мыслях, что обнаружились преступления, им учиненные, и те, кои имел намерение впредь произвести в действо. Но никто почти не верил сей повести, потому что, вскоре по его сокрытии, Гунильда заперла все отделение замка, им занимаемое, уверяя, что слышны там стенания и необычайный стук; сын же ее, называвшийся дотоле *графом Губертом*, завладел всеми местностями, имением и титулом графа Рихарда, и принял его имя. Запрещено под смертную казнию называть его впредь именем Губерта, так что и поныне продолжает он называться графом Рихардом».

Я спросил его, — продолжал Гримоальд, — для чего не приносили о том жалобы королю. «Это труд напрасный, — отвечал поселянин, потому что нынешнее дворянство Франции, очень мало уважает короля, и гораздо более его имеет власти над нами, бедными поселянами. Ах! Это жестокости тираны! Наконец, все утверждают, государь мой, что мать герцогини Брюншильды погубила тайным образом графа Рихарда со всеми его служителями, умертвив прежде юного сына своего мужа от первой его жены.

Таковы, господин герцог, странные толкования сего поселянина. По утишении бури сел я на свою лошадь и направил путь к вашему замку. Если позволите мне обозреть эти комнаты без ведома вашей супруги, то я надеюсь вскоре обнаружить все тайнства сего происшествия.

Герцог, хранивший молчание от удивления в продолжении последней половины сей повести, наконец прервал оное.

— Ежели бы не было так поздно, — сказал рыцарю, — то я в сию же минуту начал бы обозрение означенных комнат; но теперь недостает времени и на то, чтоб отколотить вход в них. И как ваша повесть и молва, носящаяся обо мне в

окружности, произвели во мне сильное впечатление, притом же гнев и смущение Брюншильды немало меня беспокоят и вселяют подозрения, коих не могу преодолеть, то не угодно ли вам в следующую ночь разделить со мною сие предприятие? Мы посетим без ведома герцогини оставленные комнаты и постараемся изъяснить мрачность сего странного происшествия. Но, чтоб заблаговременно к тому приступить, я притворюсь нездоровым и, когда все служители замка будут погружены во сне, мы можем начать свои обозрения, не опасаясь никакого помешательства. Итак, ожидайте меня в своих комнатах; я к вам приду.

Они охотно согласились на сие предложение и разошлись по своим комнатам.

— Но каким образом мог ты узнать о всех этих обстоятельствах? — спросил Жакмар, слушавший Гродерна в молчании.

— Разве забыл ты, что я запретил тебе об этом меня спрашивать? Будь доволен тем, что слышал, и не старайся узнать того, чего не должно.

Вечером Гродерн жаловался на усталость и, полагая предлогом старость свою и болезни, удалился в келью, которая была для него отведена, сказав, чтоб его не тревожили, куда сам не проснется. Он оставил Жакмара, удивленного его повестью и старающегося тщетно догадываться, каким образом получает он таковые известия. И как Гродерн казался нездоровым, то Жакмар немало о том беспокоился и, в полночь вставши, пошел к его келии и отворял тихонько дверь; но, несмотря на все предосторожности, Гродерн проснулся, и спрашивал сердито о причине его прихода.

— Я опасался, — отвечал Жакмар, — чтоб болезнь ваша ночью не усилилась, почему и пришел навеститься, спокойны ли вы и не имеете ли в чем нужды.

— Благодарю твою попечительность, — отвечал старик, — но прошу возвратиться в свою келью и оставить меня до завтрашнего дня в покое.

На рассвете колокол зазвонил к заутрени, по окончании которой игуменья приготовила завтрак. Гродерн говорил, что сон, возвратив силы его, совершенно прогнал бо-

лезнь, и что он встал еще до заутрени.

— Когда так, — отвечал Жакмар с улыбкою, — то ты можешь рассказать мне еще что-нибудь о комнатах, обитаемых духами.

— В таком случае, — возразил Гродерн, — должно посланникам моим быть чрезвычайно скорыми, чтоб могли так рано поспеть из замка. Но как бы то ни было, скажу только тебе, что мы увидим здесь приятеля твоего Альвина, почему должно, не теряя времени в пустых рассказах, идти скорее переодеваться.

Когда Эдгар и Жакмар совершенно преобразились в монахов, Гродерн оставил их под видом, что идет также переодеваться. Во весь день никто не появлялся к монастырю, и они начали уже сомневаться о справедливости известия старого их сотоварища. Монастырь был недалеко от замка; но мост чрез реку, между ними протекающую, находился в немалом от обоих расстоянии, так что для перехода от одного к другому должно было сделать довольно большую окружность.

Жакмар, лишась собеседничества старого своего друга, погрузился опять в мрачную задумчивость, которую добрая игуменья, посредством своих увещаний, старалась всеми мерами рассеять. Все поступки жизни ее были беспрестанными образцами благочестия и сострадания. Она твердо верила тому, чему научала, и подавала собою пример в ревностном его исполнении. Не один набожный энтузиазм, но и истинный дух христианства владычествовал в сем монастыре, который принадлежал к ордену серых сестер, посвятивших действиям благотворения полезное и похвальное течение дней своих.

Наши беглецы провели день в монашеской одежде. Сидя вечером пред светом яркого огня, начинали уже говорить, что такое переодевание кажется им ненужным, и что назавтра могут обойтись без сей предосторожности, но в ту самую минуту слышали великий стук у ворот монастырских: удары, сильно повторяемые, и смешанный шум доказывали нетерпеливость быть впущенными. Игуменья, прежде нежели приказала отпереть ворота, спрятала детей в ка-

бинет, которого двери, закрытые обоями, были совсем не приметны. Вскоре первый двор наполнился служителями замка, которые требовали повелительно, чтоб отперли им вход в средину монастыря. Игуменья противилась, доколе не показали ей повеления герцога Альберта, предписывающего выдать беглецов посланным от него, и в случае отказа войти во внутренность монастыря и взять их насильно. Тщетно игуменья представляла им, сколь неблагопристойно впустить в монастырь толпу грубых людей и дать им свободу бегать по кельям монахинь, занимающихся благочестивыми упражнениями. Наконец по сильным просьбам получила дозволение запереть всех сестер в одну большую комнату, которая наперед тщательно была ими освидетельствована. Остаток монастыря предоставлен был поискам наперсников Брюншильды; но оные не имели желаемого ими успеха. Не нашедши тех, коих искали, приготовлялись было они к выходу из монастыря, как Эдвард, обратясь к двум монахам, спросил, откуда они.

— Разве не доказывает одежда их, — сказала игуменья, — что они из соседственного монастыря?

— Как же они называются?

Игуменья остановилась; они не догадались прежде условиться о именах, которые должно было им принять.

— Что же вы не отвечаете, сударыня? — сказал Эдвард голосом, изъясняющим гнев и недоверчивость.

— Отец Эверард и отец Ансельм.

— Скажите лучше, что это изменник Жакмар и плут Эдгар; но где же отец Гродерн?

Оробевшая игуменья отвечала, что его нет в ее монастыре.

— Но не можно ли знать, для чего приняли вы сих двух благочестивых особ? Конечно, для защищения ваших сестер? Молодой Эдгар кажется приличным для них стражем; он, верно, желает здесь постричься.

Игуменья, будучи уверена в чистоте своей совести и в строгом наблюдении всех правил своего монастыря, отвечала ему одним презрительным взглядом.

— Я, может быть, принужу вас мне отвечать, когда до

того допустите, — говорил Эдвард, — и заставлю раскаиваться в своей надменности. Итак, вопрошаю вас еще, кто эти две особы?

— Увы! — отвечала она, трепеща о участи покровительствуемых ею. — Это бедные путешественники. Они пришли просить моей защиты и убежища на несколько дней от гонения своих врагов и от жестокости погоды. Один из них привел больную свою жену, которая того же дня скончалась. Неужели должно быть столь бесчеловечной, чтоб выгнать их за ворота, не дав несколько времени успокоиться несчастному, лишившемуся жены своей?

— Я повелеваю вам объявить, сударыня, где скрывается Гродерн.

Сказав сии слова свирепым голосом, Эдвард выхватил кинжал и грозил пронзить им сердце игуменьи, которая, не утрашась нимало сей грубости, приняла величественный вид и бросила на него взор, вогнавший краску в лицо его.

— Хотя уже вы учинили насилие сему священному убежищу, — сказала она ему, — но я не думаю, чтоб осмелились убить меня публично. Впрочем, объявляю вам, что главнейший предмет вашего гонения находится в безопасности от свирепости вашей. Другие двое требуют моей защиты; я приняла их под оную, и повелеваю вам сей же час отсюда удалиться.

Поелику приказ Герцога не предписывал до такой степени употреблять силу, то Эдвард понизил голос. Но однако же настоял еще, чтоб выдали ему двух ложных монахов. Игуменья не соглашалась, и он не смел схватить их насильно. Покровительница их говорила, что она их не выдаст, доколе не представят ей ясных доказательств их преступления, и повелевала в другой раз Эдварду с сопутниками его удалиться из монастыря.

Твердость игуменьи привела в робость Эдварда, и он вышел с сообщниками своими, изрыгая тьмы укоров, угроз и проклятий.

По удалении их монахини возвратились в свои кельи, а двое беглецов к огню. Гродерн был еще в отсутствии и не

не показывался до другого дня. Они немало об нем беспокоились, и как все догадки, коими мучили по сему случаю воображение свое, были тщетны, то старались искать во сне успокоения в сей неизвестности.

На другой день Гродерн пришел к самому завтраку. Любопытный Жакмар столь был нетерпелив узнать о происшедшем в замке, что закидал его вопросами, не давши времени проглотить куска. По окончании завтрака Гродерн уведомил его, что он, бывши сокрытым в безопасном месте, может в полной мере удовольствоваться его любопытством.

— Я начну повесть свою, — сказал он ему, — с того предмета, на котором вчера остановились, то есть с отделения замка, обитаемого духами или привидениями, ибо, ежели наперед стану отвечать на первые вопросы, то ты не будешь столь спокоен, чтоб выслушать мои ответы на последние.

После ужина герцог притворился нездоровым так, как условился о том с рыцарями, и сказал, что имеет нужду ранее предаться покою. Брюншильда казалась довольною сим известием, что не сокрылось от наблюдения герцога, хотя он и не понимал тому причины. Она не замедлила удалиться, чему последовало и все общество. Двое рыцарей, будучи уверены в подложной болезни герцога, ожидали его, каждый в своей комнате, большую часть ночи, но тщетно; он не явился. Наскучивши долгим ожиданием, принуждены были лечь, предполагая, что какие ни есть особые причины побудили герцога не устоять в своем слове. Сии предположения усугубили в Гримоальде желание исследовать дело, которое начинало казаться ему подозрительным.

Герцог не заслуживал никаких с сей стороны упреков: он и действительно, чувствуя в себе усталость и расслабление, бросился в постель в ожидании, пока все служители замка успокоятся; но вдруг объят был глубоким сном, и, проснувшись уже на рассвете, немало удивился, увидев себя в постели во всей одежде прошедшего дня; потом, несколько спустя, вспомнил уже, что накануне после ужина чувствовал расслабление во всех членах своих и великую склонность ко сну. Стыдясь, что не сдержал слова своего пред

рыщарями и будучи уверен, что они почтут поступок сей умышленным для них оскорблением, подошел он к ним с видом смущенным и расстроенным. Их утрюмость и ничего не значащие ответы на его учтивости оправдали его предположение. Они объявили ему, что намерены вскоре оставить замок, к чему и готовятся, согласившись наперед между собою не удаляться от окрестностей его, доколе не обнаружат и не обнарудут о истинной причине таинственного заключения отделенных одного комнат.

Герцог, отведши их в особую комнату, рассказал им без сокрытия о всем, с ним случившемся, присовокупив к тому, что с некоторого времени подвержен часто подобным усыплениям, которые кажутся ему необычайными. Наконец, согласились они отложить отъезд свой до другого дня, а в следующую ночь исполнить непременно то предприятие, о котором накануне условились.

В продолжение предшедшего дня герцогиня была пасмурна и задумчива по причине той, что герцог колебался дать приказание к учинению поиска в монастыре; но неотступное настояние Брюншидьды одержало верх, и вы были свидетелями, с какою наглостию служители ее исполнили сие повеление. Когда же узнала, что вас нашли и не привели, тогда бешенство ее вышло из границ и, будучи наедине с Эдвардом, своим нынешним любимцем, клялась жестоко отмстить игуменье за то, что осмелилась вам покровительствовать; но гнев ее проистекал более от того, что им не удалось меня найти.

Здесь Жакмар, не возмогши преодолеть привычки своей к вопросам, спросил, какую Брюншильда могла иметь причину питать столь непримиримую ненависть к бедному старику, который, по-видимому, не заслуживал никакого со стороны ее внимания.

— На сей вопрос могу я частию ответить, — сказал Гродерн. — Молодость и красота Эдгара возбудили порочные ее желания. Она вознамерилась включить его в число первейших своих служителей, присылала за ним ко мне неоднократно; но я не отпускал его, принимая всегда с холодностью и презрением ее посланных; наконец, предложила

она ему место садовника в замке, от которого не можно уже было отказаться, не подвергнув себя ее мщению, и притом же, сию должность предпочитал я всем прочим, надеясь, что она отдалит его от нее. Итак, я его отпустил; но он вскоре заметил, что это место еще более других подвергало его весьма часто находиться с нею наедине. Под предлогом прогулки или искания растений, прерывала она упражнения Эдгара, и должно было ему по прихотям ее всюду за нею следовать. Станные ее распоряжения в саду и не соответствующие ни свойству земли, ни временам года затеи, доказывали ясно, что не улучшение растений или охота к садоводству были причиною таковых перемен. Эдгар нередко в рассуждении сего делал ей должные с своей стороны предложения, которые принимала она с величайшею благосклонностию, и старалась всегда, сколько возможно, продолжить свои с ним разговоры. Наконец, отличные знаки милостей ее учинились столь явными, что Эдгар не мог уже более сомневаться в источнике, от которого они происходили. Он всегда мыслил с худой стороны о Брюншильде, и был ежедневным свидетелем грубых ее поступков и ненависти к Гильдегарде. Характер матери с характером дочери делали весьма разительную противоположность, и отвращение его к первой умножалось по мере удивления, возрастающего к последней.

Брюншильда часто изъясляла пред ним страсть свою двусмысленными словами, которые притворялся он непонимающим, но это послужило еще к большему воспламенению герцогини, которая наконец обнаружила пред ним столь явственно желания свои, что ему уже никак не можно было играть роль простака; и как неизвестно было ему также, что в женщинах нежнейшая любовь, отвергнутая с презрением, преобращается часто в жесточайшую ненависть, то, нимало не медля, оставил службу ее и возвратился ко мне.

Несколько спустя по том, проходя лесом, встретился он с одним служителем герцогини (это был тот самый Эдвард, столь много нас обязавший), который ссорился с бедным поселянином герцога Альберта, и, не удовольствуясь

ругательствами, ударил сильно сего несчастного старика, не могшего по дряхлости своей защищаться. Эдгар, прибежав к нему на помощь, освободил его из рук Эдварда. Это все было пересказано Брюншильде, со всеми обвиняющими нас обстоятельствами, какие только могут быть вымышлены клеветой, и с тех пор она всегда старалась привлечь нас в замок свой — но тщетно. Мы знали, чего должны были ожидать от посрамленного ее тщеславия и от предательства гнусных ее любимцев. Она решилась во что бы то ни стало нас погубить; и вчерашнего дня, говоря обо мне, сказала: «В физиономии этого старого изменника видно какое-то выражение, изъясняющее о таинственном и пагубном предприятии; когда взоры мои встречаются с его взорами, то я не замечаю в них никогда низкой робости подобных ему поселян, а вид раздраженный и почти угрожающий равного мне, почитающего себя оскорбленным. Но как бы то ни было, завтрашний день отмстит мне за него и за его сына, также и друг его Жакмар получит достойную награду; мы произведем суд в самом монастыре. А ты, верный мой Эдвард, приготовь в сию ночь людей наших к учинению клятвы; да где же двое других, которые похитили Дюнифледу?»

— Они недалеко отсюда, ожидают ваших приказаний.

— Итак, в сию ночь, когда герцог удалится, приведи их в мою комнату, и выслушай еще: за ужином, коль скоро Альберт потребует пить, не забудь влить в стакан его усыпительного напитка. Сия предосторожность часто препятствовала ему мешать нам своим присутствием; она непременно и теперь нужна.

Эдвард, поклонившись супруге своего господина, пошел исполнять ее приказания. Брюншильда соединилась с компаниею, и, уведомивши герцога об открытиях своих, испросила дозволение на другой день нарядить суд. Герцог согласился удовлетворить ее просьбу, зная, что она не имеет никаких доказательств и в надежде, что обвиняемые будут по суду оправданы. Но, опасаясь при том, чтобы недоброжелательство его супруги не дало другого вида делу сему, решился сам присутствовать в суде, к чему пригласил и

двух рыцарей.

За ужином Эдвард влил усыпительного напитка в стакан герцога; но он, имея подозрения, остерегался и не пил. Это было примечено Эдвардом, герцогинею и братом ее, который питал жесточайшую ненависть к Альберту. Но ты, может быть, никогда не видал брата Брюншильды — вот его портрет. Он росту почти гигантского; в одной его физиономии, так сказать, запечатлен зверский его характер; лицо смуглое, глаза, подобные ястребиным, и выказывающиеся из-под черных и навислых бровей; борода хотя не длинная, но густая, и сокрывает половину его лица. Покрой его одежды странный, и придает новую свирепость его виду; при всем его притворстве, поступки его отвратительны и обнаруживают сердце злобное и бесчеловечное. Добродушие герцога, которое называл он слабостию, давно уже učinилось предметом его презрения; Альберт нередко осуждал несчастных, преследуемых гонением своей супруги, каковое снисхождение от сердец, не знающих других удовольствий, кроме мщения, почитается величайшим преступлением. Он с давнего времени завидовал богатству герцога, и Брюншильда обещала, по смерти своего мужа, уступить ему часть из оногo. Того же утра была между им и Альбертом небольшая ссора, и герцог поступил несколько грубо с своим шурином, что самое придало новую пищу его злости; он расстался, наполнен жесточайшей ярости и воспаленный мщением. До самого вечера не мог он позабыть обиды своей, и оскорбленное его тщеславие до такой степени возбудило в нем гнев, что, будучи предупрежденным от сестры своей, что дан будет герцогу усыпительный напиток, вознамерился убить его в следующую ночь, коль скоро начнет он, по обыкновению, действовать; но увидев, что герцог не принял его, должен был отложить свое предприятие, опасаясь, не возымел ли он каких подозрений. Брюншильда призывала его на другой день сопутствовать ей в монастырь; он предпочел остаться в замке, чтобы на свободе расположить успешнейшие меры к замышляемому им убийству. Когда Альберт стал жаловаться на расслабление и усталость, тогда изверги сии обманулись, полагая, что еще

остаток вчерашнего напитка воспринял свое действие. И так с удовольствием смотрели на его удаление, тем более, что и Брюншильда также имела дела, требующие ее присутствия.

Коль скоро все успокоились в замке, герцог, помня обещание свое, соединился с двумя рыцарями, которые, взяв свое оружие, за ним последовали. Они направили шествие свое прямо к флигелю, обитаемому духами. Он был совершенно подобен противолежащему отделению, и вся разность состояла только в древности архитектуры, построенной готами во время нашествия их на сию часть Франции. Все же остальное здание пристроено было после того предками деда Брюншильды, первого мужа Гунильды. Немалого времени и трудов стоило им, чтоб отпереть первые ворота в проходе, соединяющем сие отделение со внутренним двором замка, ибо заржавелые петли долгое время были неподвижны; но впрочем, сии ворота не столь крепко были заколочены, как они было предполагали. Это несколько их удивило и вселило мысль, что оплошность таковая происходила единственно от страха служителей, коим Гунильда препоручила запереть их; они и сами начинали уже верить слуху о убийстве, в сем отделении свершившемся, почему легко могло случиться, что испугавшиеся люди спешили кое-как исполнить таковой приказ, дабы поскорее удалиться от места, на котором боялись нападения от силы неприяженной.

Все комнаты наполнены были сыростью и зловонием, мебели заплесневели и почти до половины сгнили; но все было в таком порядке, как будто бы они еще обитаемы. В одном месте кресла расставлены вокруг камина, в коем видны остатки погасших угольев; в другом же около стола, на котором поставлены блюда, покрытые наростом, составившимся из влажности, с пылью смешавшейся. В некоторых из сих комнат на потолке приметны трещины и следы проходившего сквозь них дождя. Герцог с своими сотоварищами проходили сие пустое здание, не видя и не примечая ничего, могущего оправдать народную молву. Потом достигли обширной залы, где увидели стол, окруженный кре-

слами, на котором наставлено множество кушанья, покрытого наростом из пыли. Многие из сих яств совершенно высохли, другие сгнили, так что никак не можно было распознать свойства их, и сей стол казался приготовленным для какого ни есть великолепного пиршества, где намеревались также жертвовать и Бахусу, ибо приметно было великое число закупоренных бутылок; но напитки, в них заключавшиеся, по-видимому, совсем иссохли или выдохлись.

— Какая роскошь, — вскричал Раймонд, — что бы все это значило?

— Это есть признаком преступления и ужаса, — отвечал Гримоальд, — потому что не оставили бы и не заперли сих комнат с такою поспешностью без сильных и необычайных причин.

Альберт, объятый удивлением и смущением, не мог, чтоб не почесть вероятными его подозрения. Его хотя не могли обвинять в происшествиях, случившихся гораздо прежде, нежели он получил замок во власть свою; но должно было опасаться, чтоб не сочли его имевшим сведение о сем злодеянии и не старавшимся оное исследовать. Гримоальд, посмотрев несколько времени на сию удивительную сцену, «пойдем далее, — сказал сердитым голосом, — может быть, господин герцог, учиним мы здесь открытия, которые опровергнут все ваши права и притязания на это владение». Герцог и Раймонд требовали от него изъяснения сих слов. «Будет время, — отвечал он, — когда я открою свой щит, и тогда все таинства обнаружатся. Сии поместья возвратятся к законному их обладателю, который предстанет вооруженный силою и непреодолимыми правами; а до тех пор вы можете еще здесь господствовать».

Они не могли получить от него другого изъяснения. Альберт был весьма раздражен, а Раймонд находился в великом удивлении; но Гримоальд, несмотря на то, вышел из комнаты и приблизился к лестнице, ведущей в верхний этаж. Они последовали за ним и прошли многие комнаты, не затворяя за собою дверей, чтоб скорее можно было возвратиться обратно. Везде находили так, как и в нижнем этаже, мебели на своих местах и до половины согнившие.

— До сих пор, — сказал Раймонд, — наши поиски духов остаются безуспешными.

— Пройдем остальные комнаты, — отвечал Альберт.

— Это правда, — подтвердил Гримоальд, — во многих мы еще не были.

При сих словах приблизился к одним дверям, которых не мог отпереть. Рассматривая, откуда могло происходить препятствие, заметил, что они были заперты внутри, и в замке не было снаружи ключа. Герцог настоял в том, чтоб отворить их, и они, пошедши искать удобного для сего орудия, увидели железную полосу, служившую, по-видимому, для поддержания очага; Альберт, взяв ее, отшиб сам двери. В сей комнате все было в таком же положении, как и в других. Герцог, приблизясь к постели и осязая оную для рассмотрения доброты материи, которою была она покрыта, говорил, что лучше бы было все эти мебели раздать бедным поселянам, нежели оставлять гнить без всякой пользы.

— Почто пришел сюда беспокоить прахи мертвых? — произнес тогда вдруг сердитым тоном томный голос, который казался исходящим из постели. Раймонд приблизился с мечом в руке и хотел поднять покрывало. Но тот же голос вскричал гораздо громче:

— Кто бы ты ни был, не нарушай спокойствия усопших!

— Кто ты, несчастный, думающий устроить нас? — вскричал Гримоальд, бросившись к постели с лампадою, которую взял носить во все продолжение сих поисков. Тогда услышали глубокий вздох. Раздраженный Гримоальд сдернул стремительно покрывало и, заметив нечто движущееся в постели:

— Изменник, — вскричал он, приближая лампаду, — говори сейчас, что ты здесь делаешь?

Он надеялся при помощи света увидеть какого-нибудь дерзкого обманщика, может быть, оробевшего; но вместо того находит безобразный и иссохший — скелет. Пораженный удивлением и страхом, отскакивает противу воли назад, и лампада выпадает из руки его. Тщетно старались они зажечь ее; светильня совершенно погасла, и темнота по-

крыла их. Они обнажили свои мечи, но как посредством их не могли найти дверей для обратного выхода, то на несколько времени исчезла бодрость их, и страх заступил ее место.

— Что нам делать теперь? — сказал им герцог.

— Мы откроем окна, — вскричал вспыльчивый Гримоальд. — Довольно одного света от звезд для нашего выхода.

— Ты потрудишься и найти их, — отвечал ему Раймонд спокойным тоном.

Наконец окна были найдены. Гримоальд, ошаривая, наложил руку на железную полосу, служащую запором одному из них, и лишь только приготовлялся отнять ее, как почувствовал, что скелет схватил его за руку своими костяными пальцами. В ту ж минуту услышали голос, повелевающий ему, нимало не медля, удалиться из сих комнат, которых таинства навсегда пребудут от него сокрыты. Он отскочил в другой раз назад, и между тем как отступал, казалось ему, что рука скелета, как будто отделившись от чего-нибудь, упала на пол.

Чрезмерно удивляясь сему происшествию, которое казалось им непонятным, и не зная о числе неприятелей, от коих должны были защищаться, решились удалиться и сир Раймонд первый предложил о том.

— Мы в совершенной темноте, — говорил он своим товарищам, — и весьма трудно бороться против врагов, которых не видим.

— Твоя правда, — отвечал ему голос, — потому что тот из вас, кто будет упрямыться, должен проститься с жизнью; кто же несколько еще дорожит ею, то последуй за светом, который будет пред ним шествовать.

Оборотясь назад, и действительно увидели они слабый блеск, отражающийся о стену отдаленной комнаты. Они приблизились, но не могли никого видеть, потому что свет находился всегда в таком от них расстоянии, что могли различать только места, чрез которые проходили. Свет достиг потом лестницы, показавшейся им тою же самою, по которой всходили; прошед еще несколько комнат и один проход, остановился в конце его. Они слышали тогда звук,

подобный происходящему от брянчания цепи и, достигнув прохода, увидели отражение света на отпертых воротах.

— Выходите сими воротами, — говорил позади их тот же голос. Они оборотились, но темнота сокрыла от них все предметы. Приблизились к воротам; а свет, вошедши в другой проход, исчез.

Ворота, конечно, были отперты невидимым их проводником, почему отворили они их без труда и вышли на чистый воздух.

— Вот мы уже на дворе, — сказал герцог.

Но вскоре заметили ошибку свою; ибо, подвигаясь вперед, удержаны были терновыми кустарниками и кучами камней. К несчастью, звезды, помраченные облаками, не делали им той помощи, какую Гримоальд от них получить надеялся. Земля была в некоторых местах влажна и болотиста.

— Нам не должно идти далее, — сказал сир Раймонд. — За темнотою не видно дороги, и мы можем забрести в реку, текущую позади замка, где, по-видимому, теперь находимся.

И так, оборотясь назад, заметили на возвышенном месте свет, который полагали находящимся на одной из башен замка.

— Это, без сомнения, наш вероломный проводник, — сказал Раймонд.

— Будь несколько поучтивее и не злословься, господин аглинский рыцарь. — отвечал голос. — Оставь для великого Гримоальда грубые выражения.

— Сойди, мерзавец, и выведи нас отсюда, — кричал ему Гримоальд.

— Твои эпитеты не очень охотно к тому побуждают, — отвечал ему голос.

— Чтоб сам ад пожрал тебя, проклятый негодяй! — возразил Гримоальд. — Долго ли тебе над нами издеваться?

— Ты, кажется, слишком разгорячился; но река отсюда близко: вскочи в нее и простуди жар свой.

— Дерзкий насмешник, если ты не покажешься, то клянусь, что не избежишь моего мщения.

— Взойди лучше сюда, господин Гримоальд-мститель,

ступай разгонять крыс и нетопырей!

Невозможность достать этого забавного досадчика наполнила Гримоальда свирепостью.

— Тише, тише, любезный рыцарь, умерь вспыльчивость свою; тебе должно еще поберечь свою храбрость для поисков над духами, которыми толико славишься.

Гримоальд почти задышался от бешенства. Правда, и находился он в положении не очень приятном, будучи посреди ночи и при великом холоде; но его бесполезный гнев и смешные угрозы против неприятеля, которого не мог ни видеть, ни достигнуть, показались столь забавными герцогу и сир Раймонду, что, хотя они и сами находились в равных обстоятельствах, но не могли удержаться от смеха, чем самым еще в большую привели свирепость мстителя.

— Ежели я поймаю тебя, трусливый плут, — вскричал он диким голосом, — то сверну тебе шею без всякой пощады!

— Доброго вечера великому Гримоальду-мстителю, — сказал голос, который казался отзывающимся близ его.

Гримоальд оборачивался во все стороны, рассекая тщетно воздух мечом своим и не думая, что может поразить своих сотоварищей, которые на сей раз успели от него отскочить. Подвигаясь непрестанно вперед и махая мечом, вдруг врютился он в болото довольно глубокое, так что почти совсем в него окунулся. Кричал, чтоб помогли ему, но, как между тем не переставал действовать руками, то товарищи не рассудили к нему подходить, и беспрестанное его движение лишь более погружало его в тину.

— Эта ловля духов очень забавна, — сказал Раймонд.

Рассвирепевший Гримоальд продолжал все еще карабкаться, будучи оставляем в сей купальне сотоварищами своими, доколе не усмирится, как между тем несколько голосов запели около них следующие слова:

Богине ада приносим мы в жертву сию черную особу; и, когда она совершенно изжарится в пламени гнева ее, тогда растерзаем и повергнем Сатане части ее тела.

По окончании сего пения слышан был жалостный вой. Гримоальд-мститель уверял уже тогда, что он не пошевелится, только бы герцог и Раймонд подали ему руки и вытащили из болота. Они оказали ему эту услугу, и коль скоро он освободился, то те же голоса продолжали пение:

Скажи, о славный Гримоальд, останешься ли еще в замке, чтоб вновь гоняться за привидениями, или рассудишь за благо удалиться? В ночное время, когда все погружены во сне, будешь ли оставаться в своей комнате или придешь опять воевать с крысами и ночными птицами? Скажи, сын Анефледы, хочешь ли, чтоб мы отнесли тебя к демону; говори же немедля, нам некогда долго ожидать.

— По чести, — сказал Раймонд, смеясь, — вот самые забавные духи, каких я нигде еще не видывал: даже и на нашем острове нет таких весельчаков.

Хотя в первых движениях удивления, преодолевших умственные силы, герцог ощутил некоторую робость, но при всем том он имел столько здравого рассудка, чтобы не верить привидениям. Будучи не подвержен суеверию своего времени, питал он глубокое презрение ко всем таковым нелепостям, и несколько было еще ему приятно, что немного подурачили Гримоальда, которого грубые поступки начинали становиться наглыми. Он предполагал, что вся эта шутка устроена служителями замка, которые, конечно, подслушали, когда сговаривались они к посещению пустого отделения.

Гримоальд упрекал герцога, говоря, что он нарочно велел сыграть с ними эту комедию.

— Очень легко доказать несправедливость твоих подозрений, — отвечал ему Альберт, — ибо, ежели бы ты от страха не уронил лампы из рук, то мы с помощью ее вышли бы благополучно из комнаты; а теперь нечего более делать, как дожидаться рассвета, тогда увидим, где находимся и

куда должно идти.

Ночь показалась очень долгою нашим искателям приключений; они дрожали, бранили сами себя и смеялись попеременно. Наконец восходящая заря уверила их, что они действительно находятся, как предполагал Раймонд, позади замка и шага за два от реки. Тщетно искали они отпертых ворот, коими вышли, и даже не могли приметить ни малейшего их признака. Раймонд начал опять смеяться приключению их, и уговаривал герцога в следующую ночь послать вновь Гримоальда для ловли духов. Болото, в котором он купался, был тинистый ров, окружающий старую часть замка и соединяющийся с рекою.

Они вошли тихо в замок, не быв ни от кого примеченными, исключая привратника, чрезмерно удивившегося тому, как они могли выйти, но герцог приказал ему хранить молчание.

Теперь, любезный мой Жакмар, — продолжал Гродерн, — ты известен о всем том, что мог я тебе вверить; мне должно удалиться. Альберт скоро прибудет сюда; не теряй бодрости и докажи невинность свою ясными и спокойными ответами на все вопросы, которые станут тебе делать; старайся говорить не торопясь на тот конец, чтоб не позабыть того, что отвечал на первые допросы, и дабы не разбиться в речах, когда будут спрашивать два раза об одном предмете. Говори истину и ответы твои никогда не будут между собою розниться.

Гродерн удалился, и несколько спустя прибыл герцог Альберт и Брюншильда со всею их свитою. Альберт велел отпереть церковь с тем, чтоб в притворе ее учинить допрос обвиняемым.

— Это дело, — говорил он, — не может опорочить сего святого места, ибо, когда предмет оного состоит в том, чтоб обвинить или оправдать человека, то должно просить Бога, да озарит свыше слабые наши способности. Всяк из нас должен принимать в том участие, и церковь есть удобнейшим местом для приведения на память судиям о святости их обязанностей и о преступлении, в котором учинятся виновными, коль скоро допустят действовать в себе пристрастие

или хотя несколько покривят весами правосудия.

Следуя сему, ввели в притвор Жакмара, Эдгара, жену Гродерна и малых детей. Герцог, увидев сих последних, спросил:

— Неужели и эти малютки могут почесться участниками в преступлении?

— Конечно, — вскричала Брюншильда, — должно истребить все это проклятое отродие.

— Отведите их, — сказал герцог, — они не могут быть виновны, почему я наперед их освобождаю.

Тогда радостная улыбка блеснула на унылом лице Жакмара; слезы признательности потекли из глаз его, и он, повергнувшись на колени, благодарил своего владельца.

— Встань, молодой человек, — сказал ему Альберт, — я прибыл сюда оказать правосудие; дети же твои не могут почесться преступниками, хотя бы они и омочили руки свои в крови Конрада; ибо настоящий преступник есть тот, кто с намерением производит злодеяние, зная закон, который нарушает.

— Премилосердный государь, — вскричал Жакмар, — хотя я и убил Конрада, но призываю Бога в свидетели, что не думал учиниться чрез то преступником.

— Пишите его признание, — вскричала Брюншильда, — он ясно обнаружил сам злодеяние свое.

Герцог хранил молчание; простота Жакмара столь его удивила, что он не мог ничего ответить.

Раймонд, опасаясь, чтоб не употребили в пользу сего признания, встал и, обратясь к Альберту, «я думаю, — сказал ему, — что здесь законы не осуждают человека по одним собственным его словам».

— Он признался в своем преступлении, — вскричала Брюншильда. — Чего ж вам еще надобно?

— Причин, сударыня, побудивших его совершить оное, — отвечал ей англичанин.

— Я прибыл сюда оказать правосудие, а не удовлетворять вашим мщениям, — сказал герцог Брюншильде, бросив на нее суровый взгляд, — и прошу вас хранить молчание. Где же Гродерн?

Игуменья отвечала, что о том не известна. Герцог требовал, чтоб и она присутствовала в суде, и ей не можно было отказаться

Призвали доносчиков; Эдвард и двое других предстали, и первый начал говорить. Он объявил, что Жакмар, Гродерн и его сын, возвращаясь с Дюнифледой в свою хижину, встретили двух служителей герцогского дома с половины Брюншильды; что Дюнифледа, оставя сопутников своих, пристала к сим двум человекам, делая самые неблагоприсойные предложения, чтоб привлечь их к себе, но они, имея отвращение к толикому бесстыдству — отказались за ней следовать.

— О, великий Боже! — вскричал Жакмар, соединив руки. — Какая дерзкая ложь!

— Молчи, — сказал ему герцог, — или мы признаем тебя виновным.

— Нет, не могу молчать; это невозможно... Бедная моя Дюнифледа погибла, учинясь жертвой грубостей сих извергов. Как же могут они столь нагло лгать?

— Молодой человек, когда доносчик твой все противу тебя выскажет, тогда дозволится и тебе говорить против него, что угодно; итак, ежели будешь нас прерывать, то мы обвиним тебя.

Доносчик продолжал:

— Сопутники Дюнифледы приблизились; они хотели убить сих двух человек; требовали от них кошельков, утверждая, что должно непременно быть с ними деньгам. Тогда я, к счастью, подоспел, будучи вооруженным, — продолжал Эдвард. — Спешил к ним на помощь, но этим бездельникам удалось от меня убежать. Конрад встретился им на дороге, они его убили и закопали неподалеку от монастыря.

Два другие служителя учинили клятву, что сей донос справедлив.

— Не имеете ли еще каких других доказательств? — спросил их герцог.

Они отвечали отрицательно.

Тогда Жакмар начал свое оправдание, и когда окончил, то герцог встал, говоря, что произнесет приговор.

— Мне кажется, что оправдание гораздо вероятнее допроса, — сказал он. — Я не могу признать подсудимых виновными, а предаю участь их на суд трех старейших особ из сего собрания.

Первые двое объявили их невинными, третий же предложил, чтоб их обыскать, не найдется ли при них каких вещей, принадлежавших Конраду.

Брюншильда испросила дозволение говорить.

— Я дала в то утро Конраду, — сказала она, — малый кошелек с деньгами и алмазный крест для доставления в аббатство де * * *. При нем не нашли ни того, ни другого, потому что убийцы унесли все с его одеждою.

Жакмар, радуясь, что от сего опыта зависит его избавление, и не опасаясь оному подвергнуться, спешил предстать: его обыскали, но не нашли ни денег, ни алмазного креста в его карманах.

Потом дошла очередь до сына Гродерна.

— Препочтеннейший герцог, — сказал Эдгар, — оставьте излишний труд; я не имею ни креста, ни денег, хотя сам хоронил Конрада.

— Их невинность ясна, — говорил герцог.

— Должно их непременно обыскать, — кричала Брюншильда.

Наконец обыскивают Эдгара, и во изгибах одежды его находят алмазный крест. Тогда его мать упала в обморок, Жакмар остолбенел, а герцог испустил глубокий вздох.

Торжествующая Брюншильда наслаждалась всеми удовольствиями злобных душ, а сын Гродерна, объятый удивлением и стыдом, потупил глаза в землю. Всеобщее молчание продолжалось несколько минут. Все зрители взглядывали друг на друга, и казалось, что каждый старался узнать мнение другого. Эдвард приблизился и вопрошал у герцога, доволен ли он сим доказательством, потому что можно еще присовокупить к тому бегство Гродерна, который, конечно, унес деньги.

Герцог не смотрел на него и не отвечал. Сердце его стеснилось, и он сожалел о развращениях человеческих. Бедный Эдгар не имел ни малейшего упования избегнуть мще-

ния бесчеловечной и жестокой женщины; но Всемогущее Существо, располагающее жребиями как сильных, так и беспомощных, не допустило на этот раз погибнуть невинности.

Сир Раймонд встал и просил дозволения говорить.

Кровожадная Брюншильда, которая не могла терпеть Раймонда, возвела на него свирепый взор, говоря, что не допустит иностранцев вмешиваться в ее дела.

— Государыня моя, — сказал ей Раймонд, — когда бы это дело касалось до одних вас, то, может быть, мне не должно бы в него вмешиваться; но ежели по одним обвинениям любимца или подговоренных свидетелей, многие из подобных мне подвергаются лишению жизни, то имею равное право со всеми здесь присутствующими защищать их, и обязан совестью своею приложить все усилия для спасения несчастных, учинившихся по мнению моему жертвою клеветы.

— Сир Раймонд, — возразила Брюншильда с гневом, — что вы разумеете чрез моего любимца?

— Оставляю тайным переговорам прошедшей ночи изъяснить вам смысл сих слов; но это дело не окончится так легко, как вы надеялись. Вам самим, герцог Альберт, предаю его на апелляцию; я требую от имени сих несчастных обстоятельнейших розысков и беспристрастного свидетельства; когда вы мне в том откажете, то именем их вызываю вас биться со мною до тех пор, пока один из нас погибнет, или доколе не оказано будет должное правосудие невинным, столь незаконно осуждаемым.

Герцог начинал уже познавать свойства Брюншильды; но, почитая подозрения доказательством слабого духа, не хотел входить в дела ее. Будучи доволен тем, что находится способ к избавлению несчастных, ею гонимых, объявил сир Раймонду, что он дает ему полную власть в исследовании сего дела, как им за лучшее признано будет; потом, обратясь к Брюншильде, с суровым взором приказал ей повиноваться.

— Очень хорошо, — сказал англичанин, — я повелеваю именем вашим вывести отсюда доносчиков и обвиняемых, с тем, чтоб каждый из них тщательно храним был в осо-

бенной комнате, пока велено будет их призвать. Герцогиня Брюншильда должна одна здесь остаться.

Все это было исполнено по его приказанию.

— Государыня моя, — сказал Раймонд герцогине, — во имя Бога милосердия, правосудия и истины, во имя Искупителя мира, несправедно осужденного, Которого представляю вам символ, призываю вас поклясться над сим крестом, что вы будете говорить совершенную истину, и станете отвечать на вопросы, которые вам предложу.

Брюншильда с тщеславием и вспыльчивостию, ей свойственными, отвергнула клятву и, вставши, готовилась выйти.

Гордые и неблагопристойные поступки Брюншильды возбудили гнев и неудовольствие герцога. Он приказывал ей сесть и повиноваться. Сир Раймонд запер двери, предлагая ей учтивым образом возвратиться на свое место, и подавал руку свою, чтоб довести до одного; но герцогиня, отскочив назад, бросилась к дверям и старалась их отпереть.

— Никогда, — кричала она, — нет, никогда не подвергнусь я законам дерзкого нахала, кто бы он ни был, хотя бы то был и сам Альберт.

Герцог приказал спокойным тоном людям своим удержать Брюншильду, и они готовились было исполнить его повеление, как сия неукротимая фурия выхватила кинжал из-под одежды своей и хотела пронзить им Раймонда; но Гримоальд, приметив то, успел удержать ее руку.

— Твои сумасбродные и нелепые поступки, — говорил ей Альберт, — доказывают явственнее невинность подсудимых, нежели все клеветы их доносчиков могут доказать о их преступлении. Они будут судимы со всею строгостию, и вам, сир Раймонд, предоставляю я произнести приговор.

— Я не токмо что не могу почесть их преступниками, — отвечал Раймонд, — но, напротив того, совершенно уверен, что есть заговор против их жизни; и когда ваша супруга не станет отвечать на мои вопросы, то я буду обязан совестию признать ее виновницею одного.

Не одни знатные должны искать защиты в правосудии, и поселяне имеют равное к тому право. В день последнего

суда все преимущества исчезнут, и государи учинятся равными простым смертным. Бог устроил князей в мире для оказания каждому беспристрастного правосудия. Ежели бы открыт был заговор на вашу жизнь, то старались бы разыскать его с крайнею строгостию, хотя жизнь ваша в общем отношении не имеет никакого преимущества пред жизнью другого человека; следовательно, когда стремятся погубить невинных, то не достоинство особы, а великость преступления должна привлечь наше внимание. Должно еще рассудить, что оказывающий несправедливость, хотя бы был государь, унижается пред тем, кого оскорбляет, хотя бы то был поселянин; и ежели высокая степень в обществе должна иметь на нас некоторое влияние, то в таком только случае, чтоб быть бдительными над своими поступками; ибо, чем более кто образован и просвещен, тем лучшим должен быть, и чем более имеет понятия о порочности какого деяния, тем виновнее становится, совершив оное. Итак, я объявлю, что герцогиня с своими соумышленниками сплела адскую сеть для погубления подсудимых, которых почитаю я невинными; и ежели доносчики их откажутся отвечать явственно на мои вопросы, или же ответы их не могут оправдать сего обвинения, то я никак не могу переменить своего приговора.

Герцог казался удивленным, но согласился на то; герцогиня же источала тьмы укоризн, так что оскорбленный Альберт угрожал возложить на нее оковы, ежели не умолкнет.

Никогда герцог не оказывал толикой твердости, и никогда не была она ему столь нужна. Брюншильда почитала за шутку угрозы его до тех пор, пока и действительно не возложили на нее цепей, приготовленных ею для Эдгара. Ее принудили к молчанию, завязав ей рот, и она учинилась предметом удивления и презрения всего собрания.

Альберт, единожды рассердившись, не скоро мог успокоиться. Хотя ненавидел он подозрений, однако ж не мог на сей раз от них освободиться. Он клялся, что когда Брюншильда уличена будет в преступлении, в котором кажется виновною, то поступит с нею с такою же строгостию, с ка-

кою поступил бы с Эдгаром, если бы он был преступником.

Тогда ввели Эдгара, и Раймонд вопрошал его, в котором часу приспел он на помощь к своим сотоварищам; он отвечал, что в три часа.

— Обвиняемые имели ли какое оружие, и буде имели, то в чем оно состояло?

— В кинжале.

— Какого цвета было платье Дюнифледы?

— Зеленого.

— Куда ты пошел вчерашнего дня по выходе из монастыря ?

— К герцогине Брюншильде.

— Долго ли был у ней?

— Несколько минут.

— Возвращался ли к ней в тот вечер?

— Нет.

— Где же был, вышедши от герцогини?

— У герцога.

— Куда же пошел после того, как герцог удалился?

— В свою комнату.

— Ночью не выходил ли куда из нее?

— Никуда.

— В котором часу вошел ты в свою комнату?

— В десять часов.

— Не видал ли кого с тех пор?

— Никого...

— Отведите его, — сказал Раймонд, — и приведите другого.

Когда он предстал, рыцарь спросил его, какого рода было оружие обвиняемых.

— Кинжалы.

— Какого цвета было платье Дюнифледы?

— Зеленого.

— В котором часу Эдвард приспел к ним на помощь?

— В пять часов.

— Видал ли ты вчерась Эдварда?

— Видал.

— Когда?

— Вечером; я провел большую часть ночи, разговаривая с ним, после того, как герцог лег спать.

— По какой же причине?

— Для того, что не имел охоты ко сну и не хотел рано ложиться.

— Отведите его и приведите третьего, — сказал Раймонд.

Ответы сего последнего не соглашались ни с Эдвардовыми, ниже с теми, кои делал его сотоварищ, исключая только что сходства в рассуждении цвета платья Дюнифледы. Велели принести последнее ее платье, и увидели, что оно не было зеленое. Вопросили у жены Гродерна, в каком находилась платье Дюнифледа, когда к ней пришла. Она отвечала, что в зеленом; «но, как оно было изорвано, вымочено и замарано, то я принудила ее надеть то, которое пред собою видите».

— Очень легко можно понять, — сказал Гримоальд, — по чему сии люди согласны. В цвете платья Дюнифледы; Эдвард, конечно, ее видел в зеленом платье и рассказал о том сотоварищам. Или, может, они видели ее и сами.

— Довольно, — говорил Альберт, — должно произнести приговор.

Но в ту минуту предстает пред ними Гродерн.

— Для чего ты убежал? — спросил его Альберт.

— Для того, чтоб спасти седые волосы свои от рук изменников, закливавшихся погубить меня; но уведомясь, что вы здесь, предаюсь с доверенностью вашему правосудию и милосердию: вспомните, Альберт, что когда осудите невинного, то должны будете дать некогда в том отчет верховному Судии мира.

Нельзя изобразить удивления сего старика, когда, проходя мимо столбов притвора, увидел он скованную Брюншильду. Герцог уведомил его о всем происшедшем, также и о клятве своей наказать строжайшим образом виновных, не исключая и самой герцогини, ежели будет изобличена в участии.

— Добрый старик, — сказал ему Альберт, — в твою волю предаю участь Брюншильды и ее соумышленников; произнеси им приговор, и он с точностью будет исполнен.

Герцог закрыл руками лицо свое, и казался несколько минут погруженным в прискорбие; он видел, сколь недостойно обманут был в своей доверенности, каким гнусным образом употребила во зло Брюншильда власть, ей от него вверенную, так что чрез пороки свои, на которые смотрел он сквозь пальцы, дошла до преступления; сожалел о пагубной своей снисходительности, и упрекал себя во всех беззакониях, которые должен был предупреждать; наконец, чувствовал, что ежели оставит это без наказания, то сам почтен будет во всем том участником.

Гродерн взирал на него с видом сожаления и хранил молчание.

— Говори же, Гродерн, — сказал ему герцог, не открывая своего лица, — будь справедлив и снисходителен; участь моей супруги в руках твоих, и ты можешь располагать ее жизнью.

По нескольких минутах молчания старик отвечал:

— Я присуждаю ее заключить на целый месяц в таинственное отделение замка, не допуская никого из ее друзей с нею видаться. Соумышленники же ее да заключатся в темницы замка с тем, чтоб каждодневно в течение одного года употреблять их в публичные работы, следующую же за то плату отдавать несчастному Жакмару, отцу двух юных детей, коих мать они умертвили. Что же касается до изменника Эдварда, который под именем Альвина был настоящим и главным убийцею Дюнифледы, то все его имение да продается в пользу сих сирот.

— Добрый старик, — вскричал герцог, открыв лицо свое и взирая на Гродерна с видом, изъявляющим почтение и признательность, — ты уподобился Богу в милосердии, ты изрек правосудное и милостивое решение. Да исполнится оно во всей точности; я опасался, чтоб ты не приговорил Брюншильду к смерти. Но почему же ты не просил ничего для себя?

— Я не имею ни в чем нужды; сын мой молод и здоров, и одних трудов его рук довольно для пропитания обоих нас; дети же Дюнифледы лишились своей матери, и Жакмар, упражняясь в работе, не может иметь за ними присмотра.

Что же касается до вашей супруги, то ни вы, ни я не имеем никакого права лишить ее жизни, сего дара Небес, состоящего в непосредственной их власти, и которого мы не могли ей дать. При том же, хотя она и стремилась исторгнуть нашу жизнь, но Бог до того не допустил.

Радостный и одобрительный шум раздался по всему собранию. Я не стану описывать сей сцены; воображение читателя может лучше представить всеобщее удовольствие зрителей, бешенство герцогини с ее соучастниками, и веселие и признательность несправедливо обвиняемых.

Связь приключений приводит нас к юной Гильдегарде, которая должна теперь обратить внимание читателя.

Гильдегарда была единородная дочь Альберта и Брюншильды. С самого младенчества мать ее несколько не старалась о ее воспитании, вверив оное нерадивому присмотру служителей своих. Брюншильда никогда не ощущала матерней нежности; ибо сие добродетельное чувство не может обитать в сердце столь развращенном. Альберт любил свою дочь; но попечения отца не могут быть достаточны к образованию и направлению первых склонностей младенчества. Гильдегарда, рожденная с тихим и послушным характером, удобно могла развратиться правилами и примерами своей матери; но отвращение к ней Брюншильды от того ее предохранило. Оставленная в полное надзирание кормилицы, обитала она в дальнем и мрачном отделении на конце замка. Никогда мать не посещала ее, никогда даже не навещивалась о ее здоровье, и виделась с нею только в то время, когда отец призывал ее к себе; но и в сих случаях Альберт старался более о ее забавах, нежели о ее образовании.

Герцог был добродетелен; он ненавидел пороки, под какими бы видами они ни сокрывались, и любил правосудие. Будучи от природы кротким, но слабым и недалеким, не мог он много содействовать в воспитании своей дочери, почему и препоручил оное старому музыканту, живущему с давнего времени в замке; одному же из почтенных духовных, покрытому сединами, вверено было наблюдение над ее нравственностью. Гильдегарда столь была доб-

родушна, ее свойства делали такую противоположность со свойствами ее матери, что она почти была обожаема малым двором своим. Старый музыкант удивлялся быстрым успехам ее во всем том, чему мог ее научить. «Весьма жаль, — говорил он часто сам себе, — что сии прекрасные семена истлевают и пропадают, не имея надлежащего возделывания! Какие таланты сие редкое дитя могло бы приобрести! Какое блестящее лицо могла бы некогда из себя представить, если бы имела другую мать!»

Гильдегарда столько же была прекрасна, сколько и добродетельна; наружные ее прелести, казалось, придавали в ней новый блеск душевным совершенствам, и тем делали ее еще любезнейшею: чем более кто знал ее, тем более любил. Счастливое одиночество, в котором жестокая мать оставляла проводить дни ее юности, предохранило ее от заразы порока и соблюло драгоценную невинность ее сердца. Когда достигнула лет, в которых признается нужною исповедь, тогда милые выражения невинности и чистоты наполнили удивлением почтенного и добродетельного ее духовника.

Сей достойный духовный научил Гильдегарду укрощать движение гнева исследованием причин оного, посредством чего прежде, нежели сей порок мог вкорениться, одержала она верх над своими страстями и приобыкла терпеливо сносить всякого рода неудовольствия. Но сей мудрый наставник не был бессмертен. Гильдегарда лишилась в нем нежного отца и верного друга. Место его заступил один иностранец, которому она не могла уже ничего верить, кроме своей исповеди. Она прогуливалась часто с старым Фредегером по уединенным дорожкам соседственного леса, пособляла ему носить его арфу и, сидя на берегу ручейка, извивающегося по цветущей лужайке, внимала приятной музыке своего учителя. Хаживала с ним по хижинам, выслушивая с участием жалобы бедных поселян и стараясь по возможности облегчить их жребий. Посещала часто несчастную Дюнифледу и смиренное убежище почтенного Гродерна. Здесь-то увидела она юного Эдгара, и здесь любовь поселилась в сердце ее.

— Вы не должны иметь такой привязанности к сыну поселянина, говорил ей однажды старый музыкант.

Она, схватив арфу, отвечала ему следующим пением:

Ах! сколь приятно мне взирать на красоту моего Эдгара; он сын бедного поселянина, но пленил мое сердце.

Но кто же сама я? Бедная оставленная дочь; не имею ни достоинств, ни имущества и совершенно забыта своими родителями; для чего же не любить мне сына бедного поселянина?

— Альберт никогда не согласится на брак ваш с Эдгаром.

— На брак мой! О Небо! Никогда я этого не желала. Я люблю его более всех, и в одном этом состоит все мое удовольствие.

Юный Эдгар любил не с меньшею нежностью Гильдегарду; он одарен был редкими понятиями, разум имел совершенно образованный, сердце великодушное и все наружные приятности, возбуждающие любовь и удивление. Но сын поселянина, скажет предрассудок, не должен осмелиться любить Гильдегарды.

Красота Гильдегарды развивалась вместе с годами; она ощущала в сердце своем живейшие ощущения, доселе ей неизвестные. Старый друг ее не существовал уже: она лишилась мудрого своего ментора.

Музыкант и кормилица заплатили также последнюю дань природе. По смерти их Гильдегарда имела свободу ходить по замку; она введена в общество и представлена собраниям.

Брюншильда видела с негодованием возрастающие прелести своей дочери, и взирала на нее, как на опасную соперницу. Все в ней, не исключая и самой красоты, было совершенно противоположно против ее матери. Брюншильда почиталась из первейших красавиц Франции; но в красоте ее недоставало самых разительнейших прелестей:

она ослепляла, но не привлекала. Могла возбудить желания, но неспособна вдохнуть нежных чувствий любви. Красота Гильдегарды не столько была правильна, но гораздо более имела привлекательности. Гильдегарда в семнадцать лет представляла все приятности, свежесть и милую невинность своего возраста; напротив того, Брюншильда, будучи тридцати лет, смелым взором своим, казалось, принуждала себя обожать. В кроткой физиономии Гильдегарды зрелось напечатленным ее добродушие; вид же Брюншильды изъяслял неукротимость страстей ее.

Альберт, не считая уже дочери своей младенцем, видел с прискорбием бесчеловечное отвращение к ней Брюншильды и старался то заменить своею приверженностью. Он вознамерился сам образовать ее, и попечения его вознаграждены были успехами, превзошедшими всякое упование. Коль скоро Брюншильда замечала некоторое отличие, оказываемое своей дочери, то тогда же приказывала ей удалиться, и Гильдегарда повиновалась без прекословия. Хотя она имела к обществам охоту, свойственную своим летам, но робкая ее недоверчивость к самой себе принуждала ее чаще избегать, нежели искать многолюдных собраний.

Гильдегарда имела особые комнаты и женщин для своей прислуги, но того было не довольно: ей доставало друга. При сем дворе, где пороки владычествовали, все почти женщины более или менее были ими заражены. Те, которые составляли двор Гильдегарды, неспособны были ценить ее достоинств и очень мало старались ей нравиться, почему и не могла она избрать из них для себя поверенной.

Граф Рихард презирал всеми союзами, могущими быть преградою его желаниям. Он не уважал никогда позволенными наслаждениями, но жадничал тех, которые воспрещены законами нравственности и чести. Гильдегарда была его племянницею и самый закон природы не позволял ему любить ее не иначе, как дочь свою; но этого уже и довольно, чтоб возбудить в нем порочные желания; ибо ежели бы она не была ближнею его родственницею, то он взирал бы на нее беспристрастно. Он открылся в том сестре

своей, которая не упустила одобрить сего скотского каприза. Добродетель Гильдегарды была предметом ненависти ее, и она желала видеть ее равною себе во всех степенях порока и развращения.

Граф был чрезмерно хитр, чтоб Альберт мог заметить его намерения; при том же, герцог не весьма был проницателен, и редко мог по настоящим признакам предугадывать будущия приключения. Гильдегарда не знала свойств своего дяди, почему и не могла совершенно понимать смысла его изъяснений. Ей казалось столь невероятным, чтоб дядя вздумал объявить любовь свою племяннице, что когда уже и не оставалось в том никакого сомнения, то думала, что винные пары помрачили рассудок графа, или, что она не совершенно выразумела некоторые его выражения. Когда же, наскучив внимать нелепым ласканиям своего дяди, оказывала несколько нетерпеливости, то Брюншильда, называя это неучтивостью, не упускала строго ей за то выговаривать. Она хотела уведомить о том своего отца, но не знала, как к тому приступить, хотя и часто признавалась ему в отращении своем к дяде. Итак, одно средство оставалось ей, чтоб как возможно реже выходить из своих комнат. В тот день, когда происходил суд в монастыре, Гильдегарда, желая знать, кто поехал с отцом ее, спрашивала о том у одной из своих женщин, которая, будучи подкуплена графом, отвечала по его приказанию, что и дядя ее также в отлучке и что никого не осталось в замке, кроме нескольких старых служителей и обыкновенной стражи. Почитая себя свободною от всякой неприятной встречи, велела она снести арфу свою в большую залу. Жестокость ее матери и докучливость дяди делали положение ее несносным и заставляли часто проливать слезы, так что арфа оставалась единственною для нее утехою, и в сем случае вознамерилась несколько рассеять ею мрачность мыслей своих.

Она лишь только перестала играть, как дядя ее вошел в залу. Это нечаянное явление несказанно ее смутило; опасаясь оскорбить его скорым уходом, выжидала с нетерпеливостью случая удалиться, не делая вида, что его убегает.

Граф был рад тому, что причинил ей боязнь своим присутствием, ибо он находил удовольствие устрашать тех, коих имел в своей власти. При всем том, не желая вселить в нее подозрений о своих видах, старался смягчить свирепость взора своего, но все его усилия к принятию нежного вида остались тщетными. Человек, чуждый всех добродетельных чувств и не знавший не токмо что любви, но даже и самого сожаления, трудно может выразить глазами то, чего никогда не ощущал в сердце своем. Отвращение, оказываемое ему племянницею, побуждало его преследовать ее из одного мщения. Граф никогда не был любим ни одною женщиною. Многие его боялись, другие оказывали благосклонность за деньги, но все без изъятия не могли его терпеть и столь сильно ненавидели, что первейшее его удовольствие состояло в том, чтоб которую-нибудь из них обесчестить.

Дабы разогнать на несколько времени боязнь своей племянницы и удобнее уловить ее в сети свои, взял он ее арфу и начал петь. Рихард имел довольно приятный голос и играл порядочно на арфе; Гильдегарда, слушая его, начала было забывать страх свой, как он вдруг, оставив арфу, схватил руку своей племянницы, которую тщетно она освободить старалась, и бросился пред нею на колени, спрашивая, для чего убегает его присутствия, и чем он имел несчастье ей не понравиться.

— Для того, что вы не престааете меня мучить, и ваши смелые взгляды меня устрашают.

— Я всегда говорю с тобой о моей нежнейшей к тебе любви; для чего же убегать того, кто тебя любит?

— Но вы мне дядюшка, — отвечала она, стараясь вновь вырваться из рук его.

— Сколько раз слышал я желания твои быть любимою от своей матери, почему же не хочешь быть любимою также от своего дяди?

— Судя по тому, что вы мне беспрестанно твердите, не могу я иметь такого желания.

— Ну, так по крайней мере престань меня ненавидеть. Ты любишь свою маленькую собачку и ягненокка, которые те-

бя так же любят, но гораздо меньше, нежели я тебя люблю. О, Гильдегарда! Ежели б я был столь счастлив, чтоб получить от тебя хотя половину тех ласканий, которые ты оказываешь этим животным!

— Я люблю их для того, что они только что забавляют, а не мучат меня никогда.

— Скажи, чем можно заслужить твою любовь?

— Тем, чтоб отпустить меня отсюда.

— Этого-то я не могу сделать; моя сестра препоручила мне иметь за тобой смотрение во время своего отсутствия.

— Прошу вас отпустить меня в мою комнату.

— Приласкай меня, как свою фидельку, и дозвожь, подобно ей, всюду за собою следовать.

При сем хотел поцеловать ее, но она, успевши вырваться, стремилась в свои комнаты, и тогда услышали звук рогов, возвещающих о прибытии герцога. Рихард вышел из залы, а Гильдегарда, не желая встретиться с матерью, удалилась к себе для размышления, каким образом должна была расположить впредь поступки свои.

Герцог со свитою своею прибыл в замок; Брюншильду сняли с лошади, на которой была она связана, ввели в ее комнаты, где ее муж велел тщательно за нею присматривать во ожидании, доколе не приготовят для нее тех, в которых должна быть на месяц заключена. Альберт, несмотря на худой успех первого своего посещения в так названное отделение духов, решился вновь попытаться в следующую ночь в надежде, не откроет ли, какими способами сыграли с ними шутку и вывели их в неизвестные ворота.

Граф Рихард не умедлил известиться о участи своей сестры, и это неожиданное приключение умножило ненависть его к Альберту. Он решился ускорить мщением, но принимая всевозможные предосторожности к сокрытию своей злобы; опорочивал поступки сестры своей и хвалил правосудие Альберта, зная, что малейшее в сем случае подозрение может ввергнуть его самого в заключение или изгнать из замка. Тщетно просил он дозволения на минуту переговорить с Брюншильдой, искал также увидеться с которым-нибудь из ее любимцев; но они были в темнице и строго

присматриваемы. Объятый бешенством, заперся в своей комнате и проводил остаток дня, вымышляя планы для произведения в действо злобного своего предприятия. Он научился от Гунильды, своей матери, составлять тонкие яды, коих действия, сопряженные с большим или меньшим мучением, мог, смотря по надобностям, чинить скорыми или продолжительными. По причине неблагопристойных поступков Брюншильды, герцог давно уже отвык ночевать в ее комнатах; занимаемые же им тогда были одни обитаемы в сей части замка; ибо, хотя комнаты соседственные были заняты в прошедшую ночь, но по возвращении из монастыря все гости уехали из замка, считая за неблагопристойность оставаться в то время, когда опечаленный герцог оплакивал стыд своей супруги и наказание, которое должен был учинить с нею по необходимости, дабы не почли самого участником в ее преступлениях. Рыцари готовились также уехать, но Альберт удержал их, уверяя, что их сообщество послужит к разогнанию его скуки в сем прискорбном для него случае. Почтение его к Раймонду несказанно усугубилось, и даже о Гримоальде начинал он быть лучших мыслей.

Рихард весьма был рад, узнав, что Альберт ночует в уединенной комнате, где не скоро могли подать ему помощь. Это обстоятельство, казалось, способствовало успехам жестоких его предприятий. Но при том, опасаясь, что один не может столь удачно совершить злодеяния, открылся в том Гондемару, своему любимому служителю, и посредством немалой денежной награды преклонил его клясться содержать оное в тайне и вспомоществовать намерению его. Рихард не ужинал с герцогом, под предлогом прискорбия о поступках сестры своей, и оставался в своей комнате.

Альберт, находясь за столом с Гримоальдом и Раймондом, спросил последнего, что значило слово *любимцев*, произнесенное им во время процесса Эдгара. Это слово поразило его слух и сделало в душе глубокое впечатление; он также приметил, что Брюншильда, хотя весьма раздраженная сим выражением, но не столь усиленно требовала оному изъяснения, как бы всякая добродетельная женщина, будучи на ее месте, должна была учинить. Раймонд не мог бы

отказать ей в том без собственного нареkania; но Брюншильда, видя его в готовности отвечать, прекратила дальнейшие о том вопросы. Все это привлекло внимание и возбуждало любопытство Альберта. Он вопрошал также Раймонда, что разумел он чрез *тайные переговоры*. Раймонд не замедлял его удовлетворить; ибо он неспособен был обвинять кого-либо в преступлении без ясных доказательств.

— Вчерашнего дня вечером, — говорил он герцогу, — дожидая вас, услышал я, что некто идет по галерее за несколько шагов от моей комнаты. Думая, что это вы, и желая поскорее с вами соединиться, отворил я тихонько дверь и увидел Эдварда, который, не приметив меня, вошел в комнаты вашей супруги в сопровождении двух доносчиков, которых мы допрашивали. Несколько спустя, услышав, что они вышли, отворил опять дверь; но это были двое последних, Эдвард же остался у герцогини. Трудно меня уверить, что это ночное свидание было невинно; по крайней мере, должно почесть его неблагопристойным и весьма подозрительным, и я думаю, что мои по сему случаю выражения не покажутся вам теперь неприличными.

— Гнусная и вероломная жена! — вскричал герцог. — Все проказы и таинственный стук, слышимый в запустелом отделении замка, конечно, есть хитрости твоего изобретения, чтоб тем сокрыть развращения свои; но я не удовольствуюсь теперь заключением ее на один месяц в это отделение: всю жизнь свою проведет она там. Я никогда не мог ее любить; но при всем том прилагал все способы скрывать от нее свою холодность. Всегда поступал с нею как с обожаемою супругою, предупреждая малейшие ее желания. Мой отец, стараясь более о моем богатстве, нежели о счастье, принудил меня вступить с нею в брак, хотя я страстно влюблен был в другую, которой лишился безвозвратно: она постриглась вне своего отечества и, конечно, оплакивает свои и мои несчастья. Соединясь с Брюншильдою, учинился обладателем обширных ее поместьев; но еще недавно получил во владение сей замок. Будучи уверен о искренней ее ко мне привязанности, дал ей с самого брака своего полную волю управлять всем по своим прихотям. Но забу-

дем о предмете, недостойном нашего внимания. Приготовимся к другому посещению духов, и возьмем каждый по лампаде в предупреждение, чтоб не остаться опять в темноте.

Может быть, покажется необычайным, что Альберт выбрал в другой раз ночное время для посещения опустевшего отделения; но, как он начинал верить, что все рассказы об нем вымышлены Брюншильдой или ее соучастниками для сокрытия своих интриг, то ночь показалась ему удобнейшим для того временем, ибо днем непременно бы все провели о таковом предприятии и постарались бы оно предупредить.

Следуя предложению герцога, каждый из них взял по лампаде, хотя Гримоальд несколько стыдился сей предосторожности, которая, казалось, упрекала его в прежней робости и немало поражала его тщеславие. Достигли комнаты скелета, не видя и не слыша ничего заслуживающего внимания; дверь была заперта. Герцог, шедши наперед, отворил ее, и вдруг упала пред ним на землю бумажка. Он поднял ее, развернул и читал следующее: «Некто покушается на твою жизнь; блюди также над Гильдегардой. Какая польза в том, что запер львицу, оставив льва на свободе производить свои свирепства?»

Они рассуждали несколько времени о сих строках, но не могли никак их растолковать; при всем том, казалось им бесполезным, что не оставили этого без внимания, и герцог положил бумажку в карман. Потом начали осматривать комнату, в которой постель и все мебели нашли в прежнем порядке; но не было уже скелета. Усугубив внимание, заметили довольно большое пространство пола, обогренное кровию, как видно, с давнего уже времени, и истекавшей в таком количестве, что, скопившись у дверей, составила небольшой бугорок. За несколько шагов от постели нашли на земле серебрянный сосуд, который, по-видимому, сильно был брошен, потому что одна сторона его была помята, и столь он почернел, что едва можно было узнать род металла. Близ сего сосуда на полу видны пятна, произведенные черной жидкостью. Сии признаки подали повод ко

многим догадкам. Они все согласились в том, что совершено убийство в сей комнате; но кто был жертвою оною, того никак не можно было узнать; ибо нельзя было надеяться выведать о том от графа, а тем менее от его сестры. Итак, оказание правосудия родственникам убитого должно было предоставить суду Божию, или доколе само собою дело сие не обнаружится. Тогда Гримоальд сказал с обыкновенною своею дерзостью, что он примет на себя сделать о том надлежащие исследования и допросить Брюншильду, присовокупя к тому, что обязан должностью настоять о дозволении сделать допрос герцогине и ее брату, и уверял, что надеется в том на ловкость свою и выведает от них непременно о истине сей истории, «потому что никогда, — говорил он, — не встречал я ни одного так называемого привидения, чтоб его не выгнать и не открыть причины его проказ».

— Я этому верю, — сказал Раймонд, — ежели, по вашим словам, встречали вы только крыс и нетопырей. Но прошу вас сказать, какого рода была крыса, принудившая вас вчерашнего дня выронить из рук лампаду, или что за нетопыри, забавлявшие нас пением, между тем как вы купались в болоте?

Гримоальд отвечал сердито, что теперь шутки не у места и что в другое время докажет он упрямому англичанину, что храбрость и достоинство его особы заслуживают гораздо лучшего внимания, нежели как он думает.

— Почему знать, — присовокупил он, — может быть, собственные мои выгоды терпят от этого убийства, и я более всех имею права об оном разыскивать.

— Да кто же ты такой? — спросил его Альберт.

— Гримоальд-мститель, — отвечал Раймонд, смеясь изо всех сил.

— Я рыцарь, и это вам докажу, — сказал незнакомец, выходя гордо из комнаты.

Более ничего не случилось с ними в сию ночь, почему, проведя несколько времени в комнатах, вышли.

Большая часть ночи уже протекла, и как они чувствовали более охоты к разговорам, нежели ко сну, то направи-

ли путь свой к комнате герцога, стараясь пробираться сколь возможно тише, дабы не быть ни от кого услышанными.

Несколько спустя по возвращении их граф Рихард выходит вдруг из кабинета, держа в одной руке сосуд, а в другой кинжал; он отскочил назад от удивления, приметив двух рыцарей, вошедших столь тихо, что он не слышал, да и нельзя было ему прежде их увидеть, потому что дверь кабинета была заперта. Но исступление его было недолговременно; он бросает сосуд, из которого в первом движении своем разлил несколько жидкости, и стремится к герцогу в намерении пронзить его кинжалом. Двое рыцарей, схватив его, не допустили до Альберта; но он, стараясь от них вырваться, освободил одну руку свою, вынул другой кинжал и вонзил его в бок Раймонда, который был тогда без кирас. Рыцари в прошедшую ночь находились в полном вооружении, опасаясь какой-либо измены со стороны герцога, но потом, не имея насчет его никаких подозрений, сочли таковую предосторожность для пустых привидений ненужной.

С помощью Альберта схватили они убийцу; но он столь был силен, что они с трудностью могли его держать. При том же Раймонд не мог долго делать им вспоможения, ибо рана причиняла ему несносную болезнь. Он уверял, что кинжал прошел неглубоко, но чувствовал воспаление во всей этой части и необычайную слабость, хотя немного потерял крови. Герцог и Гримоальд были в величайшей нерешимости и они не могли оставить Рихарда, чтоб подать помощь Раймонду, и даже сами имели нужду в его пособии для удержания графа. Они могли легко его убить, но Альберт имел намерение исторгнуть из него признание, могущее обнаружить то злодеяние, о котором подозрение на него упало. Старались его втащить в другое отделение замка, где надеялись получить скорую помощь; но Рихард противился всем их усилиям.

— Убейте его! — кричал Гримоальд.

— Нет, — отвечал Альберт, — пусть он живет для признания и раскаяния в злодействах своих.

— В комнате, обитаемой духами, найдете нужную по-

мощь, — сказал позади их голос, от которого Рихард побледнел и затрепетал.

Дрожащий убийца потерял все свои силы и казался лишенным чувств.

— Граф Рихард вскоре предстанет и отомстит за свои обиды, — продолжал голос.

Сии слова столь испугали графа, что волосы поднялись дыбом на голове его, на лице изобразился сильный ужас, и он, сделав последнее усилие, вырвался из рук их и бросился к дверям.

Всёобщее удивление, произведенное неизвестным голосом и чрезмерным ужасом графа, понудило державших его выпустить из рук, и он, воспользовавшись тем, достиг было дверей; но тут остановлен был двумя служителями Альберта, которые, по счастью, для некоторых надобностей находились недалеко от комнаты герцога, и, будучи привлечены шумом многих голосов, между коими различили крик своего господина, прибежали в то самое время к дверям, когда граф спешил из них выйти. Беспорядок его одежды и дикие взоры побудили их схватить его.

Альберт приказал им втащить графа в его комнату и там сковать, что и исполнили они с помощью сотоварищей своих.

— Это, конечно, и есть тот лев, — говорил Гримоальд, — от которого неизвестная цидулка велела вам остерегаться. Но где же сир Раймонд?

Они побежали и нашли его в одной комнате, из которой не имел он силы выйти.

Осматривая рану его, увидели, что она сильно воспалилась и почернела во многих местах.

— Я думаю, — говорил Раймонд, — что кинжал сего злодея напоен ядом, потому что обыкновенная и столь легкая рана не может произвести такой боли и слабости, какую я чувствую.

Тот же час оказали ему нужное вспомоществование, и мало-помалу болезнь и слабость его уменьшились.

Некто из стерегущих убийцу сказал своим сотоварищам, что сир Раймонд скончался. Тогда граф вскричал:

— Очень жаль, что не Альберт! Этот напоенный ядом кинжал для него был назначен в случае, когда бы он отказался от напитка, мною ему приготовленного.

— Дерзкий предатель, — сказал ему Гримоальд, услышав его, — сей же час поверг бы я во ад гнусную душу твою, прекратив мерзкую твою жизнь, если б ты не заслуживал должайших и жесточайших мучений.

— Я смеюсь твоим угрозам, — отвечал ему граф с сатанинскою гримасою, — в моей власти состоит прервать дни свои в одно мгновение. Ты можешь меня убить; но не в силах продолжить жизни моей ни на одну минуту, когда того не захочу.

Уже рассвело, и герцог рассуждал с своими сотоварищами о мерах, какие должен был предпринять, как вдруг одна из женщин Гильдегарды вбегает в комнату, крича испуганным и прерывающимся голосом:

— О, моя госпожа! моя добрая госпожа! Что с нею случилось? Отдайте мне мою госпожу!

— Что значит этот крик? — спросил Альберт

— О, государь! Гильдегарда уехала; она пропала. Мы искали ее везде, но не нашли; она пропала!

Рихард-убийца возобновил злобную свою улыбку. Герцог приказывал служанке Гильдегарды успокоиться, но она продолжала выть столь сильно, что Герцог начинал подозревать, не кроются ли какие виды в таком притворном отчаянии. Оставив одного служителя с Гримоальдом для присмотра за графом, пошел, чтоб осведомиться, точно ли скрылась его дочь. Он узнал, что действительно всюду переискали ее бесполезно, и никто не мог сказать, что с нею случилось. Возвращаясь в комнату, где оставил графа с служанкою Гильдегарды, намерен был заставить ее рассказать подробно о всех известных ей по сему случаю обстоятельствах; но нашел ее в таком положении, что не мог надеяться получить нужного объяснения. Она источала пену от ярости: Гримоальд схватил ее за шею, а слуга держал за руки. Удивленный Альберт спрашивал о причине такого насилия.

— Несколько спустя по удалении вашем, — сказал ему Гримоальд, — видя, что Рихард крепко связан, думал, что

не нужно здесь мое присутствие, и хотел вам вспомоществовать в ваших поисках. Но лишь только вышел отсюда шагов за двадцать, как услышал шум и голос служителя, меня на помощь призывающего. Я воротился и увидел, что он борется с сею госпожою, стараясь вырвать из рук ее кинжал. Я помог обезоружить ее, и он сказал мне, что вскоре по выходе моем из комнаты вынула она из-под платья кинжал и, держа его в одной руке, приблизилась к графу для освобождения от цепей, коими скованы были его руки; ваш слуга схватил ее за руку, чтоб выдернуть кинжал, что самое и произвело шум, возвративший меня в сию комнату.

По сем известии Альберт, конечно же, с намерением произвести в действие угрозы свои, взяв кинжал, приставил его к груди служанки, говоря, что непременно пронзит ее, ежели тот же час не откроет причины притворного своего отчаяния и не уведомит, что произошло с Гильдегардою. Страх смерти дал ей восчувствовать, что приняла на себя комиссию, которой не могла выполнить, и она призналась, что Гильдегарда действительно скрылась; что, пришедши к ней для услуг, уведомила она о ее уходе и, узнав тогда же, что задержали Рихарда, вознамерилась сокрыти Гильдегарду употребив на освобождение графа, который платил ей за то, что вводила его в комнаты своей госпожи; что и в прошедшую ночь введен он был ею в комнаты Гильдегарды и оставался с нею.

— Надеюсь, — присовокупила она, — криками своими побудить всех живущих в замке к погоне за Гильдегардою, так что граф останется без стражи, и я могу освободить его от оков. И как, действительно, остался с ним один только служитель, то я думала привести его в робость своим кинжалом и спасти, против воли его, графа.

— Вероломный! — вскричал герцог, бросив на графа свирепый взор. — Что ты сделал с моею дочерью? Она, верно, похищена твоими соумышленниками.

Новая гримаса вместо ответа возвестила предательское удовольствие гнусной души его.

Альберт приказал заключить служанку в безопасное место и клялся, что ежели она с графом будут упрямиться

объявить о месте, в котором скрыта дочь его, то подвергнутся жесточайшим мучениям; но граф не преставал хранить молчание. Потом герцог велел призвать служителей Рихарда, и они все предстали, кроме одного.

— Где же Гондемар? — вскричал Альберт.

Они отвечали, что ушел неизвестно куда. Альберт уверился тогда, что Гондемар похитил его дочь по приказанию своего господина; но что она должна быть сокрытою в замке, ибо у ворот находилась крепкая стража, чрез стены же перелезть было никак не можно. Несчастный Альберт терялся в размышлениях, не зная, к чему приступить; наконец решился, по совету Гримоальда, немедленно приковать Рихарда в одной из комнат отделения, обитаемого духами, а сестру его в другой, не разбирая никаких для них удобностей и наблюдая только, чтобы они были как возможно друг от друга отдалены.

Здесь пронырства графа остались без всякого действия и развращения его лишились всех наслаждений своих. Его оставили одного в жертву бешенству своему в самой обветшалой комнате, какую только приискать могли. Циновка из тростника служила ему постелею, и вместо роскошных яств, коими он пресыщался, дали малое количество грубого кушанья и положили пред ним немного сучьев и род железной жаровни вместо камелька. Несколько времени не радел было он о употреблении их, но дождь и ветер, проникающие сквозь расщелины потолка и стен, принудили его согреться от жаровни, в которой уголья почти уже погасали.

Изнуренный бессильным свирепством своим, не возмогшим ни прервать, ни облегчить его оков, распростерся он на циновке; но тщетно искал успокоения, и ночь показала ему необычайно долгою. Один тусклый блеск жаровни освещал его жилище. Дрова почти все сгорели, и он с тщательностию обирал уже остатки их; при всем том, чтоб несколько умерить жестокость холода, должен был почти задыхаться от дыма, потому что комната его не имела, кроме расщелин в стенах, другого для него выхода. Окна были наглухо заколочены и не впускали никакого света: одним

словом, комната сия уподоблялась темнице, в которой не можно было ничего ни видеть, ни слышать.

В сем ужасном положении Рихард старался заснуть и по временам забывался, но терзания его совести, вместо раскаяния, часто прерывали его сон. Лишь только начал было засыпать, как пробужден был шумом, побудившим его открыть глаза.

— Он видит, что жаровня от него отодвинута, и против оной сидящий на креслах скелет, казалось, как будто грелся у огня. Сие зрелище представилось ему тем ужаснейшим, что блеск от жаровни освещал только ближайшие предметы, все же остальные части комнаты находились в совершенной темноте. Рихард не мог преодолеть в себе движения ужаса. Он встал и хотел броситься к призраку, но неизвестно чем был удержан и не мог его достать.

В ту самую минуту скелет отступает и придвигает к себе жаровню своими страшными костяными пальцами. Рихард в другой раз объят был ужасом и удивлением. Он упал на циновку, закрыв глаза руками, чтоб избавиться от сего разительного зрелища. Освободившись несколько от страха своего, узнал, что стремление его удержано было цепями, прикованными к пробоям, в стене утвержденным. Несколько времени не растворял он глаз, но, услышав шорох пепла в жаровне, взглянул и наказан был за любопытство свое гораздо ужаснейшим против прежнего явлением.

Он видит пред собою фигуру настоящего графа Рихарда, которого, под предлогом его сокрытия, похитил он имущество, титул и самое имя.

В одной руке держал он кинжал, коим расколачивал уголья, как будто для распространения большего света в комнате, а в другой сосуд.

— Знаешь ли этот сосуд, вероломный Губерт? — сказал призрак грозным тоном.

Губерт, подобно пораженному громом, упадает на циновку; холодное трепетание объяло его члены; он зажмурил глаза и закрыл опять лицо руками своими.

— Воззри на меня, — кричал ему призрак, — или приговоряйся к смерти!

Дрожащий Губерт возвел на минуту глаза, и спешил отвратить их.

— Вероломный и жестокий похититель, — продолжало привидение, — узнаешь ли сей кинжал и сосуд, которые ты мне представлял, объявляя, что от того или от другого должно мне погибнуть? Выбирай из них сам. Так, предатель, этот сосуд есть тот самый, который принес ты ко мне с развращенною Гунильдою.

Губерт не в силах был ответить.

— На сию ночь, — продолжал призрак, — оставляю я тебя для раскаяния, ежели ты к оному еще способен; но завтрашний день будет последним днем твоей жизни.

Потом, умолкнув, взял одной рукою скелет, другою опрокинул жаровню, и глубочайшая темнота распространилась по всей комнате. Губерт не слышал более ничего, но, удреченный бременем своих преступлений, не мог умерить ни ужаса своего, ни терзания совести; обморок освободил его на несколько времени от сих мучений.

При всем том Губерт не лишен был свойства, известного вообще под именем храбрости; ибо, ежели тот должен почитаться храбрым, кто убивает множество неприятелей в сражении, или на поединке нападает с отважностью на жизнь другого, то никто в таком смысле не был храбрее Губерта. Когда честолюбие, гнев, энтузиазм или мщение электризуют наши свойства и возбуждают нас к отважным деяниям в случае, ежели должно победить неприятелей или учиниться идиолом народным, то тогда не храбрость, а вышеозначенные страсти нас оживотворяют. Таким образом, когда страсти молчали, исчезала и храбрость Губерта; одного призрака довольно было для поселения в нем ужаса, и он с сей стороны судил о явлении графа Рихарда.

Не нужно, кажется, глубокомысленных рассуждений для удостоверения, что чистый дух не может действовать на вещество, что он неспособен к поднятию или же пренесению вещи, имеющей какую-либо тяжесть, и следовательно, не может иметь никакого рода содействия на нас или на предметы, нас окружающие. Но сие простое и естественное рассуждение не представилось тогда смущенному Рихарду.

Явление человека, о котором твердо был уверен, что лишил его жизни, вид орудий своего злодеяния и приговор близкой смерти, произнесенный фигуною, поразили дух его удивлением и ужасом, коим не мог изъяснить он настоящей причины.

Обморок его был весьма продолжителен. Получивши употребление чувств, нашел себя в совершенной темноте. Ужас овладел им, и он не мог заснуть, хотя имел величайшую в том надобность. Когда дневной свет начал несколько проникать в его темницу, увидел он жаровню на том же месте, где она была при явлении призрака, но опрокинутою низом вверх; в прочем все было в прежнем порядке в его комнате, и не примечалось ни малейшего признака отверстия, в которое кто-либо мог войти.

Сие обозрение усугубило его страх; он старался уверить себя, что все виденное им было одно сновидение; но отодвинутая и опрокинутая жаровня совершенно опровергала это мнение.

В десять часов утра Гримоальд вошел в его комнату, и принес несколько черного хлеба. Один из служителей Альберта внес воды и дров, поставил жаровню и развел огонь; они спрашивали Губерта, отчего жаровня опрокинулась, но не получили никакого ответа. При всем том, это обстоятельство вселило в них подозрение, и, опасаясь, чтобы не сбил он своей цепи, потому что отдалился от постели, принесли новую цепь и заковали его гораздо крепче прежнего.

Едва это окончили, как Альберт вошел и чрезмерно был удивлен необычайным смущением Губерта, которого лицо изображало ужас и смущение. Герцог приписывал сию скорую перемену раскаянию, яко необходимому следствию преступлений, и страху быть жестоко наказанным. Желая воспользоваться таковым расположением, начал он его допрашивать.

— Где дочь моя, несчастный? — говорил ему Альберт.

Губерт отвечал одною язвительною улыбкою и хранил молчание.

— Рихард, долго ли тебе еще упрямитесь и мне не отве-

чать? Неужели желаешь, чтоб я произвел в действо угрозы свои, и исторг жизнь твою в мучениях?

— Не опасайтесь, — отвечал голос, — он не пренесет ужасов смерти.

Они узнали тот же самый голос, который в прошедший день возвещал им о помощи; но Губерт побледнел и затрепетал: это был голос графа Рихарда, коего привидение столь жестоко перепугало его минувшей ночи.

— Какого злодеяния воспоминание производит в тебе таковые смятения? — спросил герцог, увидев холодный пот, текущий с лица его.

Глубокое стенание было его ответом. Зубы его колотились от содрогания; бешенство и ужас изображались во всех чертах его лица.

— Конечно, какое-нибудь пагубное таинство есть причиною его страха, — вскричал герцог. — О Гильдегарда! о дочь моя! Где ты? Что с тобою сделалось? Чего не должно ожидать от изменников, извлекших тебя из дому родительского! Может быть, увя! нет уже на свете дочери моей!

— Она жива, — отвечал Губерт сквозь зубы. Отчаяние Альберта причиняло ему несказанное удовольствие и побуждало его на несколько времени забыть страх свой.

При сих двух словах вдруг радость заступила место отчаяния в Альберте, так что, не возмогши говорить, смотрел он на графа с видом, изъявляющим снисхождение и чувствительность.

— Ах! скажи мне, — вскричал он, коль скоро получил употребление слов, — скажи, что жизнь и честь моей дочери находятся в безопасности, и все твои злодеяния будут прощены. Где она? Где могу найти ее?

— Она в безопасном месте, но ты не в силах освободить ее, — отвечал ему с насмешливым видом злой Губерт. — Она в совершенной моей власти. Все поселяне здешней округи разделяли ее благосклонности; я извлек ее из объятий их и храню для одного себя. Итак, на что тебе препятствовать наслаждениям моим, которые дочь твоя часто возбуждала своими ласканиями?

Невозможно описать свирепости и отчаяния, овладев-

ших мгновенно Альбертом.

— Фурия адская, — вскричал он, — гнусное чудовище, изрыгнутое Тартаром для терзания сердца моего, ежели ты обесчестил мою дочь, то готовься к пренесению всех мучений, какие только может вымыслить справедливейшее из всех мщений.

Губерт смотрел на страдания сего несчастного отца радостными глазами и с видом удовольствия.

— Мучения твои, — говорил он ему, — составляют приятнейшее для меня зрелище и приводят в забвение собственные скорби мои: каждое из твоих стенаний изливает целебный бальзам на мое сердце.

Тогда иступление Альберта вышло из границ; он бросился из комнаты, испуская пронзительные вопли, и бежал для приготовления пытки; но представьте всю чрезмерность удивления его и радости, когда у самых дверей темницы встречает он Гильдегарду, стремящуюся в объятия его.

Здесь, читатель, должно остановиться. Дадим время отцу и дочери ко изъятию взаимных восторгов своих. После ужасной сцены, которой были свидетелями, нужно духу некоторое успокоение, чтоб лучше насладиться приятнейшим явлением.

Забудем горести жестоки,
К которым рок нас осудил.
Подобно молнии исчезают,
Как тень проходят счастья дни,
Несчастья равно не вечны:
Всему на свете — есть предел.

— Не мечта ли это? — вскричал Альберт, коль скоро первые движения радости его успокоились. — Ты ли это, дочь моя? Тебя ли прижимаю к сердцу своему?

Гильдегарда держала отца в своих объятиях, лобызала руки его, орошая их сладостными слезами, изображающими излияние сердечной нежности.

Между тем, как Гильдегарда и отец ее наслаждались радостными восторгами, гнусный Губерт изрыгал тьмы зло-

словий; зрелище, пред ним предстоящее, составляло несноснейшее для него мучение. Альберт и его дочь, будучи заняты друг другом, казалось, почти не примечали его присутствия. Все окружающие внимали с участием взаимным их вопросам и ответам, и забвенный ото всех Губерт тщетно изъяснял бешенство свое: даже не слышали звука его цепей.

— Какое благодетельное Божество возвратило тебя родителю твоему? — спросил Альберт у своей дочери.

— Так, батюшка, так, сам Бог сжалился над вашею дочерью и в самую ужасную минуту ниспослал ей помощь неожиданную и сверхъестественную. Видите сего варвара? он стремился погубить меня, и непременно бы в том успел, ежели бы один призрак (ибо нельзя другим образом его назвать) не исторг меня из его рук.

В продолжение той ночи, когда посещали вы опустелое отделение замка, о чем я узнала после, граф введен был в мою комнату одною моею служанкою, которая, конечно, была от него подкуплена. Впустивши его, вышла она и заперла дверь. Долгое время недостойный мой дядя говорил мне непонятным для меня образом, потому что и в мысль мою не входило, чтоб он мог возыметь столь гнусные виды. Не желаю вам наскучить подробным описанием его поступков, скажу только, что я отвечала ему прежде шутками, а потом принуждена была рассердиться. Будучи в удивлении и оскорбившись его неожиданным приходом в мою комнату в такое необычайное время, приказывала ему выйти. Он пошел к дверям, и я уже надеялась от него избавиться, но это для того только, чтоб запереть их на замок, а ключ положил к себе в карман. Потом возвратился ко мне, и просил себя выслушать, но я не токмо что не была в состоянии внимать ему, но даже от страха не могла кричать. Ах! батюшка, сколько я страдала, вообразив, что, будучи столь отдаленна, тщетно буду призывать к себе на помощь! Между тем, как ужас держал в оковах язык мой, граф продолжал свои дерзкие разговоры. Наконец собрала я столько сил, чтоб просить его в другой раз оставить меня в покое, но вместо того он подвинулся ко мне еще ближе. Увы! отку-

да должна была ожидать помощи? Он начал угрожать, а я стала кричать изо всех сил, хотя и не чаяла быть ни от кого услышанною. Уже сие чудовище меня схватило, и погибель моя казалась неизбежною, как вдруг один голос вскричал позади нас: «Остановись, несчастный, взирай на меня и трепещи!»

Граф содрогнулся, выпустил меня и, оборотясь, увидел пред собою человека в полном вооружении с обнаженным мечом. Сия фигура приблизилась, и дядя мой упал в обморок, вскричав: «Это *граф Рихард!*»

«Встань, чудовище, и выдь отсюда, — сказал ему мой избавитель. — Ты приступаешь еще к новым злодеяниям, но знай, что я всюду за тобою последую, и Гильдегарда находится под моим покровительством».

Граф, пораженный сими словами, вынул ключ от моей комнаты и скрылся. Вооруженный призрак поднял деревянную расписанную панель, которая совершенно уподоблялась стене, и вывел меня с собою, увещевая ничего не опасаться; но я от страха едва могла держаться на ногах, и не в силах была идти.

«Гильдегарда, — сказал мне мой проводник, — вы здесь не в безопасности; положитесь на меня, я удалю вас и сокрою от всяких покушений».

Он взял меня за руку, и я последовала за ним. Мы шли чрез множество темных проходов, сходили по многим лестницам, так что силы мои совершенно истощились, пока достигли комнаты, уподобляющейся монастырской келье. Тут он меня оставил; одна старая женщина принесла мне пищи и ночевала со мною; но на все мои вопросы отвечала только: «Будьте спокойны, любезная Гильдегарда, небеса вам покровительствуют и не умедлят все обнаружить».

Но я и забыла, что она отвечала на один мой вопрос. Я спросила ее, не случилось ли чего с вами, и где вы находитесь? Она отвечала, что вы занимаетесь осмотриванием опустевшего отделения замка и скоро окажете правосудие виновным.

Сей ответ, успокоивши меня несколько, усугубил мое любопытство. «Уведомьте меня, ради Бога, — сказала я ей,

— человек или привидение приспело ко мне на помощь в то время, когда ниоткуда ее не ожидала?» Она села и начала смеяться. Сего утра вооруженный призрак пришел опять, повел меня теми же проходами, говоря, что намерен отдать в ваши руки, но наперед имел предосторожность завязать мне платком глаза, что я без прекословия ему повиновалась, будучи ободрена его поступками, и вскоре очутилась в соседственном отсюда отделении. Он просил подождать себя несколько времени и не открывать глаз, на что я согласилась. Чрез четверть часа он вошел и сам развязал мой платок. «Вы видите отсюда, — сказал он мне, — эту отворенную дверь, подите в нее и продолжайте идти чрез все растворенные комнаты, доколе не услышите голоса вашего родителя, и не опасайтесь, хотя в то же время признаете голос Рихарда, потому что его уже страшиться нечего». Вот, батюшка, как я с вами была разлучена, и опять достигла благополучно ваших объятий.

Освобожденный от всех беспокойств в рассуждении своей дочери, Альберт не мог умерить восторгов радости своей. Жестокость, несвойственная его характеру, истребилась из сердца, и он чувствовал к графу одно только презрение.

— Этот негодай, — говорил он Гильдегарде, — забавлялся мучением моим, уверяя, что имеет тебя в своей власти.

— Забудем о том, он сам теперь находится в наших руках, — сказал Гримоальд, взиравший на сию сцену в молчании.

— Неправда, он в моих руках, — возразил настоящий граф, покрытый кирасами, который вошел тогда в комнату и приблизился к Губерту.

— О Небо! это мой ангел-хранитель, — вскричала Гильдегарда, схватив и лобызая его руку, покрытую перчаткою.

Сие явление возымело совсем противное действие над Губертом; он повергся в стенании на свою циновку и закрыл руками лицо, закутывая голову епанчою.

— Я также пришел навестить его, — сказал сын Гродерна, приблизившись к пленнику.

Юный Эдгар не был уже в платье поселянина, но в одежде, приличной достоинству его рода. Высокий и статный

его рост, благородный вид и приятные черты лица обратили на него взоры всех окружающих. Но в сей новой одежде никто не мог его узнать, и вопрошали о том один у другого.

— Я пришел, — сказал он, — искать правосудия и отместить за оскорбления, нанесенные отцу моему.

Он хотел было продолжать, как пронзительный и дикий женский голос обратил внимание слушателей. Она вбегает стремительно в комнату, и все видят Брюншильду в иступлении свирепства.

— Так, так, — вскричала она, повергнувшись на циновку графа, изнуренная конвульсиями своего бешенства, — я освобожу его из рук гнусных гонителей.

Стража за нею последовала и хотела ее вывести; но она, вскочив и выхвативши из-под робы своей кинжал, стремилась поразить герцога, который, по счастью предусмотрев то, отвернулся столь поспешно, что удар скользнул только по его одежде. Когда ее схватили и сковали крепчайшим образом, все действующие лица прошедшей сцены последовали за нею в комнату, куда ее вовлекли, исключая пленника, сына Гродерна и привидения в кирасах.

Заклучив Брюншильду, герцог возвратился в комнату пленника. Он нашел его одного, распростертого без чувств на постели. Герцог вышел, заперевши дверь на замок, и соединился с своею дочерью, остававшеюся под смотрением Гримоальда.

Остаток дня протек в различных разговорах; наконец решились, чтоб Брюншильда провела ночь в своей комнате, и Альберт велел поспешить приготовлением того отделения, в коем виновная его супруга должна была окончить время своего наказания. Вечером один из стражей Брюншильды пришел уведомить герцога, что она совершенно лишилась разума.

— Это, я думаю, не новое, — говорил Гримоальд, — но пойдем посмотрим ее, ибо сие мнимое сумасшествие может быть не иное что, как умысел к успешнейшему произведению новых проказ.

Альберт встал и прочие за ним последовали. Они нашли

герцогиню в сильной горячке и в жару, производящем бред, так что никак не можно было подозревать ее в при творстве.

Альберт, будучи от природы сострадательным, сжалился над нею: велел освободить ее от оков и оказывать нужные пособия для ее излечения; но его сожаление ускорило только смерть Брюншильды. В исступлении сумасшествия вырвалась она из рук стражи своей, и как двери были растворены для прочищения воздуха, то выбежала из комнаты и бросилась сверху лестницы, внизу которой нашли ее уже мертвою. Она раздробила себе череп, так что весь мозг из него выскочил.

Чувствительная Гильдегарда проливала слезы о своей матери; но не потерю ее оплакивала она, а поступки ее жизни и столь ужасный род смерти. Сие плачевное происшествие произвело в Альберте глубокое впечатление: он ощутил нужду в уединении, и заперся в комнаты свои на несколько часов.

В следующую ночь свирепый Губерт подвержен был новым опытам: около полуночи слышит он, что дверь его комнаты отворяется, и видит входящих шесть фигур одна за другою, в длинных черных одеждах. Каждая из них держала в одной руке бич, а в другой факел. За ними следовал сын Гродерна и настоящий граф Рихард, ведя с собою изувеченную, растерзанную и окровавленную фигуру, в которой уstraшенный граф познает черты развращенной Брюншильды. Между тем как, содрогаясь от ужаса, взирает он на сие страшное зрелище: «О Губерт, — говорила ему фигура, — не для того провидение позволяет нам возвращаться в сей свет, чтоб извещать живущих о наших страданиях, или о происходящем в страшных местах вечного мучения; не для того мы посылаемся, чтоб обнаруживать преступления других; но чтобы увещавать злых, и побуждать грешников к раскаянию. Жестока наша участь, и нас ожидают бесконечные страдания; страдания, о которых хотя мы и прежде были предуведомляемы, но не хотели им верить. Наконец познала я, но уже поздно, правосудие Бога и его Всемогушество. Но ты, Губерт, ты брат мой и соучастник во всех

преступлениях, ты отказываешься оказать справедливость невинному и объявить виновного. Неужели сердце твое неприступно к раскаянию? Ты должен непременно принести покаяние и обвинить самого себя. Герцог скоро предстанет; готовься исповедаться пред ним во всех злодеяниях своих».

Минуто спустя герцог и Гримоальд входят; в величайшем удивлении видят они и слышат говорящую фигуру Брюншильды.

— Граф Рихард, — продолжала она, — пишите признание в его преступлениях.

Губерт, сраженный ужасом, оставался безмолвным и недвижимым; он даже не имел силы отвести глаз от сего страшного позорища и хранил молчание. Тогда одна из черных фигур приближается и, велев настоящему Рихарду с его сыном обнажить плечи Губерта, начала сечь нещадно спину его своим страшным бичом. Губерт не испустил ни единого вопля, ни стечения, и пребывал непоколебим в молчании. Другая фигура, в свою очередь, поступила с ним таким же образом, но все было тщетно: бичевание не более угроз имело действия. Все шесть фигур по порядку раздирали плечи Губерта, кровь текла ручьями, но он не переставал быть безмолвным.

— Начнем его пытаться, — вскричал граф в кирасах, и вдруг четыре человека предстали. Губерт содрогнулся, а герцог не мог промолвить ни слова от удивления.

— Теперь, Губерт, станешь ли говорить? — вопрошала его фигура в кирасах.

— Нет, никогда, — отвечал он охриплым голосом.

— Привяжите его, — сказала фигура, и тогда же началась пытка. Бодрость его исчезла и, побежденный скорбью, говорил он герцогу, что учинит признание во всем, коль скоро престанут его мучить. Его велели развязать; но, приведенный в чрезмерную слабость, не мог он исполнить своего обещания и просил до следующего дня отсрочки, на которую с приметным неудовольствием согласились мучители его. Настоящий Рихард, или фигура в кирасах, просил герцога удалиться из комнаты, доколе Губерт не придет в

состояние сделать признания своего. Альберт согласился и звал Гримоальда за собою; но он имел намерение остаться: для того, говорил он, чтоб посмотреть, что произойдет во время его отсутствия. Граф Рихард, услышав то, сказал ему, положив руку на его плечо:

— Поверь мне, господин рыцарь, что здесь любопытство твое не у места; разве ты намерен подвергнуться такому же бичеванию, какое сейчас видел?

Мститель побледнел, и страх его столь был приметен, что Альберт не мог удержаться от смеха. При всем том рыцарь, стараясь скрыть робость свою, угрожал, что претворит в прах все привидения; но герцог, сжалившись, звал его в другой раз с собою. Они возвратились вместе к Раймонду, который страдал еще немало от раны своей, и занимался разговорами с прекрасною Гильдегардою. Наконец по столь беспокойном дне все почувствовали нужду в отдохновении и разошлись очень рано по своим комнатам.

На другой день собрались к слушанию исповеди Губерта; но нашли его к тому нерасположенным, так что для преодоления его упрямства должно было снова готовиться к пытке. Но один вид ужасных орудий возымел желаемое действие: Губерт прервал молчание, и, обратясь к герцогу, говорил ему следующее:

— Внимай мне, и да наполнится сердце твое горестию! Чтоб более растерзать оное, начну я повесть свою со времен Брюншильдиной матери.

Князь Людвиг провождал спокойные и щастливые дни с первою своею супругою. Благоденствие его было совершенно: он был любим и почитаем подвластными ему народами, находился в мире со всеми своими соседями, и добродетельная его супруга обладала всеми любезными качествами. Малое время спустя после их брака, княгиня решилась от бремени дочерью, которая с летами учинилась столь же милою, как и ее мать, хотя и уступала ей в красоте. Никогда не было примера трех особ, живших между собою в лучшем согласии, и более уважаемых от всех их окружающих. Сравни это, дерзкий Альберт, с своею участию, и да причинит в тебе сия повесть столько горести и

смущения, сколько я от всего сердца желаю. В таком положении находился Людвиг, как в первый раз увидел он Гунильду. Ее прелести имели для него приманчивость новosti и затмевали красоту его супруги. Будучи чрезмерно опечаленною его холодною, не щадила она никаких способов к возбуждению в муже своем погасших чувств, составлявших прежде взаимное их благоденствие; но все ее старания, угождения и ласки не токмо что не тронули его, но произвели противное действие, так что его супруга, лишенная всей надежды, впала в глубокую меланхолию, которая в скором времени расстроила ее здоровье.

Она не могла уже находить удовольствий в обществах, потому что в них муж ее занимался единственно Гунильдою, предупреждая во всех случаях ее желания и не совращая с нее взоров своих. Нечувствительно отказалась она от света и, заключившись в свои комнаты, обитала одна с своею горестию. Гунильда употребила отсутствие ее в пользу для возбуждения в любовнике своем подозрений. Она внушала ему, что сие мнимое отвращение от света было обманчивою маскою для прикрытия какой ни есть порочной приверженности. Людвиг, не удовлетворяясь тем, что оказывал к своей супруге холодность, равнодушие и отвращение, учинился еще подозревающим, грубым, взыскательным и даже жестоким. Здоровье его супруги давно уже находилось в худом положении, и сие новое прискорбие ускорило ее смерть. Она лишилась жизни своей, произведя на свет сына.

Людвиг, не уважая правилами, предписываемыми в таких случаях обыкновением и самою благопристойностию, несколько недель спустя по смерти своей супруги сочетался с Гунильдою, которая была уже тогда матерью Брюншильды и моею. Она объявила, что принимает на себя воспитание сына, оставшегося после покойной княгини, почему взяла его в свои комнаты, не допускала к нему никого, кроме избранных ею людей, и отселяла всех тех, которые служили ему во время жизни его матери. Несколько времени спустя разнесли слух, что юный принц скончался. Гунильда приказала двум из преданных ей людей умертвить

его и принять все нужные предосторожности, чтоб обмануть Людвига, ежели б захотел увидеть тело сына своего.

Людвиг был чувствительно тронут сею неожиданною потерей, ибо он любил с горячностью своего сына. Гунильда старалась его уверить, что будто он был прижит не с ним, но он отверг с презрением таковую клевету. Не нужно было долго жить с моею матерью, чтоб почувствовать во всей силе потерю супруги, которой он лишился. Пороки Гунильды делали разительную противоположность с ее добродетелями, и напоминали ему часто о слепой его несправедливости. Он захотел видеть своего сына, и для избежания подозрений должно было его удовлетворить. Людвиг приметил около шеи сего младенца широкую черную полосу, которой требовал изъяснения. Гунильда увидела всю неосторожность исполнителей ее приказаний, но, стараясь скрыть гнев свой и смятение, отвечала Людвигу, что сын его скончался от сильных конвульсий.

Людвиг, не удовольствовавшись сим ответом, приказал врачам осмотреть тело сына своего, но Гунильда нашла случай преклонишь их на свою сторону, и врачи объявили, что сей знак был обыкновенным следствием конвульсий. Людвиг оставался в сомнении, но, не имея ясных доказательств, принужден был похоронить своего сына и хранить молчание.

Несколько спустя после сего приключения, мать моя рассорилась с служителями, которым приказала убить юного принца. Эта ссора столь ее беспокоила, что решилась она наконец тайным образом скрыть сих двух человек, которые и пропали вдруг без вести; не делали об них никаких поисков для того, что никто не имел к ним ни малейшей приверженности, и вскоре совершенно их забыли. Я думал тогда, и теперь также полагаю, что они отравлены Гунильдою.

Но этого было не довольно для моей матери; оставалась еще при дворе одна ненавистная ей особа: это была дочь Людвига, сестра юного принца, удушенного по ее приказанию.

Весьма трудно было посредством убийства сбыть ее с

рук, не оставив следов оного, тем более что принцесса, не так, как ее брат, находилась не в совершенной власти моей матери. Итак, не имея в виду лучших средств, решилась она отдалить ее от двора, учинив жизнь ее сколь возможно жестокою.

Принцесса Эмма сочеталась втайне браком с одним молодым дворянином, имевшим с давнего времени пребывание при дворе ее родителя. Нежность Этебента утешала ее от беспрестанных гонений Гунильды. Но мать моя не замедлила уведомиться о сем браке, и употребила его к совершенному удовлетворению ненависти и видов своих. Эмма лишилась свободы, а муж ее жизни; по смерти его возненавидела она свет, и наипаче общество развращенного двора. Отец ее возвратил ей свободу, но Эмма воспользовалась ею единственно для своего пострижения; и, опасаясь, чтоб ненависть мачехи не преследовала ее даже в уединении, избрала самый отдаленнейший монастырь, так что не было об ней никакого слуху. Соккрытие принцессы Эммы произвело немалый ропот; подозревали в том мать мою; но я, будучи известен о всех ее деяниях, могу уверить, что в сем случае несправедливо обвиняли ее. Эмма действительно удалилась в монастырь и, конечно, теперь находится еще в живых, но совершенно неизвестно, какую страну избрала она для своего уединения.

Гунильда слишком предана была порокам, чтоб ограничить страсть свою позволенными наслаждениями; да и не натурально, чтоб женщина, имевшая любовную интригу с чужим мужем, пребывала верною своему. Она попеременно делала участниками ложа своего всех молодых придворных, которые ей нравились; кто же презирал ее благосклонности, тот редко избегал мщения ее.

Граф Рихард прибыл ко двору; я не стану распространяться о его убийстве, скажу только, что я был творцом оного, и сия сцена, которой воспоминание составляет мучения мои, происходила в этом самом отделении, в котором теперь находимся, во время отсутствия Людвига. По возвращении его Гунильда обвиняла графа всякого рода преступлениями и заговорами, какие только могла вымыслить, при-

совокупив к тому, что, уведомившись об открытии оных и страшась мщения Людвига, предался он бегству до его прибытия. Потом посредством хитрых ласканий испросила для меня у мужа своего все титулы и преимущества графа; назвала меня его именем, и запретила под смертную казнию всем подвластным своим именовать меня иначе, как графом Рихардом.

На другой день после убийства графа, мать моя велела запереть и совершенно заколотить комнаты, им занимаемые, но во всем отделении ужас злодеяния нас преследовал: то слышны были стенания, то являлись призраки, так что наконец, терзаемы собственным воображением своим, лишились совершенно спокойствия.

Одним вечером, находясь за столом, были объаты столь сильным ужасом, что выбежали стремительно из залы, и как никто не смел войти в нее, то все эти комнаты были тогда же заперты и наглухо заключены. Сие отделение, имея положение к северу, было мрачно, холодно и сыро; Людвигу не нравилась эта часть замка и по возвращении его (ибо все это происходило в его отсутствие) не было ему противно, что его заперли, почему почти и не расспрашивал он о дальнейших тому причинах.

Когда ты вступил в брак с Брюншильдою, я получил от тебя дозволение иметь пребывание при твоём дворе, но сия снисходительность не приобрела моей приверженности. Я питал зависть к твоему полномочию и имуществу; прилагал все усилия к возбуждению против тебя ненависти и мщения, производя на твой счет разные насильства. Все поселянские дочери и жены, несколько пригожие, перебивали непременно в руках моих; я приказывал вводить их в замок и удовлетворял над ними сладострастие свое, распространя повсюду, что ты был их похитителем. Дюнифледа воспламенила желания мои, и я приготовлялся так же ее похитить.

Брюншильда не была целомудреннее своей матери. Не токмо что иностранцы, но даже окружные поселяне были участниками ложа твоего. Сын Гродерна, который, правду сказать, ни видом, ни поступками не походит на поселяни-

на, произвел сильнейшее впечатление над ее чувствами. Красота этого молодого человека может почти извинить такую прихоть, но он был столь дерзок, что отвергнул ее благосклонности, предпочтив ей Гильдегарду, которая взаимно ему соответствовала. Сия непорочная девица, утешение и надежда твоей старости, часто заключала в скромные объятия свои подлого поселянина. Сколько раз видал я ее удаляющуюся в средину леса, где проводжала целые дни с своим любезным Эдгаром, наслаждаясь тайными и приятными утехами любви!

— Мерзкий лжец, — вскричал герцог, — как ты дерзнул порочить мою дочь?

— Дай мне окончить, — сказал ему граф, — ты еще не знаешь всей своей фамилии. В хижине Жакмара найдешь двух внучат своих. Сын Гродерна не оставляет своих детей, и в соседстве от себя воспитывает их; Гильдегарда часто посещает и ласкает отродие свое; но должна принимать в том предосторожность, и ты, как добрый отец, обязан дать в том волю матерней ее нежности, приняв в свой замок ее детей. Какое будет для тебя удовольствие заключать в объятия свои милых детей добродетельной Гильдегарды, делающей утеху твоему сердцу, честь роду, и сколько ты должен быть обязан мне за такое интересное открытие!

— Гнусный клеветник! — вскричал герцог, и голос его пресекся. Он готов был упасть, когда бы не был поддержан одним служителем.

— Но не одного Эдгара, — продолжал Губерт, — удости-вала дочь твоя своих благосклонностей. Многие рыцари разделяли их. Что же касается до меня, то вместо любви питал я к ней одну ненависть, и довольно одного названия твоей дочери, чтоб вселить в меня к ней отвращение. Но я желал учинить ее матерью единственно для того, чтоб принести тебе новое удовольствие, когда маленькие мои выродки будут звать тебя дедушкой.

Гнусный Губерт мог вечно продолжить бесстыдные свои рассказы, ибо герцог не в состоянии был его слушать. Но на что же, скажут некоторые, имел он столь мало рассудка, что верил словам злодея, о качествах которого довольно уже

был известен? Он, конечно, не совсем прав; но не должно ли извинить его родительскую чувствительность? В течение двух дней Альберт насмотрелся и наслышался столько отвратительных деяний, душа его столь была возмущена и воображение расстроено, что совершенно заглушен был в нем глас рассудка. Между тем как все окружающие старались его успокоить, Гильдегарда является с сыном Гродерна в ту минуту, когда рассудок Альберта начинал одерживать верх, и он стал было сомневаться о истине слышанного им; но прибытие его дочери в последствии молодого поселанина показалось ему явным доказательством своего бесчестия. Гнев Альберта достиг такой степени, что он пребыл несколько минут подобно окамененному от сего явления, и, оставаясь неподвижным в том же положении, как увидел их, хотел говорить, но не мог произнести ни одного слова. Наконец, собрав все силы свои, вскричал:

— Вероломная, разве пришла сюда искать смерти, тобою заслуженной? А ты, негодный, — говорил Эдгару, — как дерзнул явиться предо мною? Исчезни, — продолжал он, выхватив меч, — или эта рука омоет в крови твоей свое оскорбление.

Смущенный Эдгар выходит с поспешностию, и Гильдегарда последует за ним; но Альберт, увидя, что они бегут вместе, гонится за ними и конечно бы, их достигнул, ежели бы встреча графа Рихарда не заградила ему на несколько времени пути.

— Преследуй их, — кричал ему герцог с помутившимися глазами и свирепым тоном. Граф Рихард дает ему дорогу и следует за ним, не понимая, за кем он гнался. Гильдегарда вбегает в свою комнату, а сын Гродерна за нею, не зная, куда она его вела, при том же и не желая ее оставить в такой опасности. Герцог следует близко за ними, и находит дочь свою, распростертую на полу без чувств, а Эдгара пред нею на коленях, преклоняющего голову к груди ее. Сие зрелище наполнило новым свирепством Альберта; он бросился на Эдгара и хотел пронзить его мечом своим, но, будучи ослеплен сильным разгорячением, не успел в том; ибо при сем стремлении поскользнулся, меч вывалился из

рук его, и он упал, ударившись головою о мраморный камин, и лишился чувств. Рихард и Эдгар, не возмогши освободиться от удивления своего, взирали друг на друга, не зная, что начать, но Рихард, первым вышедши из сего иступления, призвал служителей и велел отнести герцога в его комнату, где, оставив его, возвратился к Гильдегарде. Она получила было употребление чувств, но воспоминание прошедшей сцены ввергнуло ее в новый обморок. Чрез многие дни не в состоянии она была выходить из своей комнаты, но при всем том известилась от слышавших повесть Губерта о причине гнева ее отца. Герцог выздоравливал очень медленно; сильное смятение его духа, причиненное последним происшествием, а наипаче повестью вероломного Губерта, немало умножали болезнь, причиненную падением. Наконец увещания двух рыцарей и графа Рихарда дали ему почувствовать всю жестокость его поступка и легковерность, с какою внимал нелепым доносам изменника, который, по собственному своему признанию, находил удовольствие терзать его сердце.

— Но скажите мне, — вскричал герцог, — по какому случаю дочь моя встретилась с сим молодым человеком?

— Ежели вы в состоянии перенести новое удивление, — отвечал ему Рихард, — то я докажу вам, что дочь ваша не причастна в проступках, коими ее обвиняют, и Эдгар во всех отношениях достоин ее руки.

Хотя сии последние слова весьма были неприятны слуху Альберта, но он просил Рихарда изъяснить их.

— Я вас оставляю на несколько минут, — сказал ему Рихард. — Прикажите ввесть сюда Губерта, и отец Эдгара уведомит вас о всем, что вы желаете знать.

Рихард вышел, а Альберт послал за своею дочерью. Гильдегарда столь была слаба, что, вошедши в комнату своего отца, упала в обморок; но слабость сия скоро миновалась. Альберт обнял ее с нежностью, и взаимная их доверенность совершенно восстановилась.

Около семи часов стучались у дверей герцога; он приказал отворить и увидел привидение или фигуру Брюн-тильды, поддерживаемую Гродерном и его сыном. Несколь-

ко спустя Гримоальд и Раймонд в последствии двух стариков вводили пленника. Герцог велел им сесть, и Гродерн начал повесть свою.

— Вас обманули, Альберт, — говорил он герцогу, — и известие сего чудовища совершенно ложно. Может быть, ожидаете вы, что Рихард придет сюда исполнить свое обещание; но знайте, что не существует другого Рихарда, кроме тою, которого видите пред собою.

Гродерн, выходявший только для того, чтоб сверх кирас надеть поселянскую одежду, сбрасывает ее тогда с себя, и все познают в нем графа Рихарда. Потом, обратясь к Губерту:

— Ты, конечно, удивляешься, — сказал он ему, — что видишь меня еще в живых, но должен знать, что я не проглотил яда, тобою мне поднесенного. Мать твоя соделала двор свой театром распутства, и Брюншильда, воспитанная в таковой школе, должна была необходимо уподобляться своей матери. Я, подобно многим другим, был предметом похотливых желаний Гунильды; но должность и привязанность моя к своему князю, конечно бы, удержала меня от соответствия на ее любовь, ежели бы не довольно было к тому одного моего к ней отвращения. Я сочетался явно браком с одною добродетельною и прекрасною иностранкою. Это было не противно моему князю; но любовь Гунильды превратилась в ненависть и соделала ее неукротимою. Она старалась внушить Людвигу, что мой брак весьма подозрителен, что моя супруга и ее свита были не иное что, как хитрые шпионы, и что мы производим опасные переписки. «Что нам нужды до их переписок, — отвечал Людвиг, — не будем делать ничего такого, что бы должно было скрывать, и шпионам не останется ничего выведывать». Не возмогши раздражить против меня Людвигу, клялась она в моей погибели; я отправил свою жену, в намерении сам за нею последовать и оставить вскоре двор, но твоя мать предупредила. Посреди ночи разбужен я был сильным стуком у своих дверей; слуга мой вопрошал о причине и получил в ответ, что принесли ко мне важные и не терпящие ни малейшего отлагательства письма. Я приказываю отворить и,

к великому моему удивлению, вижу входящую Гунильду в последствии Губерта, ее сына, в полном вооружении. Первый их приступ был убийство моего слуги, и я остался тогда в полной их власти. Губерт приблизился и, приставляя к груди моей острие кинжала, «вот, — говорил мне, — награда твоего предательства». «Изменник, — вскричала жестокая Гунильда, — муж мой не хотел наказать тебя за злодеяния; но ты не избежнешь от праведного моего мщения». «Скажите мне, — говорил я им, — в чем состоят преступления мои?» «Но прежде этого выпей сей яд», — возразил свирепый Губерт. «Предатель, — продолжала мать его, — не намерен ли ты был обесчестить супруги своего государя? Мой сын будет мстителем; Губерт, принудь его принять напиток». «Государь мой, — говорил я ему, — я никогда не был причастен преступлениям, в которых меня обвиняют, и княгиня известна о моей невинности». Но она, опасаясь, как видно, чтоб я не открыл сыну ее истины, вырвала у него кинжал и готовилась поразить меня. «Остановитесь, государыня, — вскричал я, — я соглашаюсь умереть». Губерт поднес мне сосуд; альков, окружающий мою постель, был пространен и мрачен; притворяясь глотающим яд, я разлил большую его часть и, увидя, что остается одна густота, которая, к счастью, опала на дно сосуда, и боясь, чтоб они этого не заметили, бросил я его в середину комнаты. Но и малое количество испитого мною яда произвело во мне сильное воспаление; несколько минут почитал я смерть свою неизбежною. Они были также в том уверены и удалились, восхищаясь успехом предприятия своего.

Коль скоро они меня оставили, вскочил я с постели своей, напился чистой воды и принял одного напитка, почтительного превосходным антидотом противу яда. Почувствовавши облегчение и ободрившись, оделся и на рассвете вышел из замка, не быв ни от кого примеченным, кроме одного привратника, которого щедрым подарком побудил к скромности.

За несколько времени до сей ужасной сцены, открыл я между раскрашенною обделкою моей комнаты поднимающуюся панель и вход в подземелье, которое, продолжаясь

под рекою, приводило в монастырскую келью. Выход также был закрыт подъемною панелью, которая изнутри кельи совершенно уподоблялась стене. Пред нею поставлен был набой, а на нем большая картина, изображающая распятие. Не выходя еще из замка, втащил я туда тело моего слуги и, выпросивши у монахинь большой ящик, положил его в нем и оставил в подземелье.

Удалясь из замка, вошел я в монастырь, и сквозь келью ходил очень часто, будучи переодет и вооружен, в отделение одного, мною прежде занимаемое. Я находил все в таком же положении, как было мною оставлено, и как подземелье имело сообщение с другими частями замка, то я поселил такой ужас в виновную Гунильду, что, не осмеливаясь входить в северное отделение, она совершенно его оставила, и разнесли слух, что вся эта часть обитаема духами. Потом я оставил сию страну и соединился с своею супругою.

Несколько часов спустя по выходе моем из замка Гунильда призвала привратника, и побудила его посредством великой награды распространить слух, что видел меня уехавшим того же самого утра. Удивленный привратник взял от нее деньги, не сказав ей, что и действительно видел мой выход. По возвращении Людвига сказала она ему, что будто бы я хотел учинить ей насилие, но сын ее тому воспрепятствовал.

Супруга моя находилась при другом дворе. При соединении с нею переменял я свое имя. Из всего нашего имущества оставалось только у нас несколько наличных денег и дорогих камней. Все мое недвижимое имение перешло в руки Губерта, а супруга моя лишилась своего от военных разорений. Мы распродали все свои вещи и, прибывши сюда в одежде поселян, выбрали для обитания своего малую хижину посреди леса, во ожидании случая к наказанию преступления и к отмщению за оскорбления свои. Труды нашего сына довольны были к нашему пропитанию, и без нынешних происшествий, может быть, провели бы мы всю свою жизнь в короткой и спокойной неизвестности.

Любопытство приводило меня по временам в замок, в

коем известны мне все проходы, и таким образом уведомился я о бесчестных предприятиях Брюншильды и расстроил оные. Теперь ты видишь, Губерт, что я не привидение: здравомыслящий человек не может верить таким нелепостям; при всем том, не иначе как посредством чудесностей надеялся я уничтожить твои замыслы. Идучи в комнату герцога, услышал я крик Гильдегарды и вышел из своей панели, между тем как ты оборотился ко мне спиною. Ужас представил меня в глазах твоих свыше смертного: новое доказательство, что привидения или мертвецы есть одна мечта виновной совести или слабоумия.

Скелет, толико удививший герцога Альберта и двух его сотоварищей, был не иное что, как иссохший труп моего слуги; посредством проволоки и пружин мог я легко производить им виденные вами действия. Теперь сниму личину с так называющейся тени Брюншильды.

Когда лицо ее было открыто, тогда все с удивлением познают в ней игуменью, и сия игуменья была принцесса Эмма, которая видом своим много уподоблялась Брюншильде.

Тогда встал Гримоальд.

— Вы слышали, — сказал он, — повесть графа Рихарда; приготовьтесь же теперь к новому удивлению. Вы видите во мне сына Людвига и Аннефледы. Другого младенца вместо меня умертвили, а меня спасли. Провидение вспомоществовало покровителям моим в содержании меня, и долгое время пребывал я не известным о тайне своего рождения; но наконец, сочли они за нужное открыть мне ее, и коль скоро о том уведомился, то прибыл сюда под предлогом искания приключений. Итак, я объявляю, что все сии поместья мне принадлежат.

Удивленный и раздраженный Альберт хотел было ему ответить, как предупрежден был в том графом Рихардом.

— Гримоальд, — сказал он ему, — ты не что другое, как дерзкий обманщик: я один могу представить истинного и законного наследника; Эдгар, приведи моих друзей.

Эдгар вводит двух стариков, которые объявляют, что они

есть те самые, которым Гунильда велела учинить убийство; но, по согласию с графом, имея в виду другие намерения, спасли они принца и подложили умершего младенца на его место; пятно же на шее его сделано было нарочно, чтоб обмануть Гунильду.

— Тобою самим, Губерт, в том свидетельствуюсь, — говорил граф. — Скажи, эти два человека те ли самые, хоим мать твоя препоручила умерщвить юного принца?

— Так, это справедливо, и несказанно меня удивляет; но должен признаться, что я не согласился бы в сей истине, ежели бы не приносила она мне удовольствия видеть Альберта, лишенного поместьев своих. Уже давно поражало меня сходство Эдгара с отцом его, и тем большую вселяло в меня к нему ненависть.

Альберт, безмолвный от удивления, казался погруженным в глубокое размышление, а граф Рихард продолжал повесть свою:

— Я бдил над ним с величайшим старанием, и могу сказать, что он достоин рода своего. Уже долгое время он любит вашу дочь и взаимно ею любим; но при всей своей горячности, никогда они не преступали правил добродетели. Работая в садах замка, имел он частые случаи с нею разговаривать. Гильдегарда нередко посещала мою супругу; она знала, что сын мой не был простым поселянином. Я называю его своим сыном для того, что всегда ощущал к нему нежность родительскую. Она намерена была пожертвовать любовью своею должности и забыть Эдгара; но опасности, которым недавно он подвергался, возбудили и придали новые силы страсти ее.

Алберт вздыхал и казался нерешимым, но коль скоро граф престал говорить, встал он, взял за руку дочь свою и, представляя ее Эдгару, наполнил сердца их радостию, удивлением и признательностию.

— Дети мои, — говорил он им, — эти поместья ваши; я вам их возвращаю и желаю вам счастливых дней.

— Нет, государь, — отвечал Эдгар, повергаясь пред ним на колени, — доколе будем иметь счастье наслаждаться продолжением дней ваших, сии поместья принадлежат вам; я

ничего не желаю, кроме вашей дочери; дозвоьте нам пребывать в замке под вашим покровительством, и от одних вас желаем мы всегда зависеть.

Гильдегарда приняла то же положение, и просила отца своего склониться на требования Эдгара. Альберт обнял с нежностью детей своих и согласился на их желание. Потом, обратясь к другим действующим лицам сей интересной сцены, увидел, что одного из них недоставало: Гримоальд-мститель рассудил скрыться неприметно; он, конечно, пошел искать новых приключений и какого ни есть другого замка, где бы мог с лучшим успехом оказать свои требования и неустрашимость.

Губерт осужден был к вечному заключению; раздали его поместья, оказав в сем разделе преимущество достойнейшим. Жакмар получил порядочный удел для детей своих. Эдгар сочетался с Гильдегардою и замок герцога Альберта учинился жилищем согласия, мира и благоденствия. Сир раймонд несколько спустя возвратился в Англию, и в бумагах, оставшихся после его смерти, нашли подробности сей истории.

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ

Анонимный роман «The Animated Skeleton» (с подзаголовком «Count Richard, or the Animated Skeleton») был впервые опубликован в 1798 г. в лондонском издательстве У. Лейна «Минерва-пресс», где вышли в свет многие произведения эпохи расцвета английской готики.

ЗАМОКЪ АЛБЕРТА

ИЛИ

ДВИЖУЩІЯСЯ СКЕЛЕТЪ.

Сочиненіе Г жи: Радклифъ.

Переведено съ Французскаго

И. П в н к в.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ дозволенія указнаго.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано при І мѣ. Кадетскомъ корпусѣ.
1803 года.

Уже в 1799 г. в Париже появился французский перевод романа, озаглавленный «Le Château D'Albert, ou Le Squelette Ambu-

lant». В 1803 г. за ним последовал и русский перевод И. Павленкова; роман — как и многие другие готические произведения той поры — был приписан переводчиком знаменитой А. Радклиф. Некоторые исследователи готического жанра, к слову, считают «Движущийся скелет» одним из самых удачных подражаний Радклиф, не лишенным к тому же определенной оригинальности. В свою очередь, в XIX в. роман послужил предметом подражаний; известно также о существовании позднего итальянского перевода.

Об авторе романа не имеется никаких сведений, однако в 1799 году французский «*Journal général de la littérature de France*» сообщал, что он был написан женщиной.

Текст печатается по изданию 1803 г. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам; в случае диалогов, как правило, введено деление на абзацы.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.